

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

КРАЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖОНАТАНА СТРЭНА

ЛАУРЕАТ
ПРЕМИЙ
«ЛОКУС»
«ХЬЮГО»

ДЖЕЙМС КОРИ • БРЮС СТЕРЛИНГ
АЛАСТЕР РЕЙНОЛЬДС • ХАННУ РАЙАНИЕМИ
ПЭТ КЭДИГАН и многие другие

Звезды научной фантастики

Кристин Раш

Край бесконечности (сборник)

«АСТ»

2012

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Раш К. К.

Край бесконечности (сборник) / К. К. Раш — «АСТ»,
2012 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-087715-7

Эта книга, воскрешающая оптимистический дух фантастики Золотого века, посвящена давней мечте человечества о полетах в космос, о покорении других планет и исследовании Солнечной системы. Здесь в нечеловеческих условиях Юпитера зарождается новая ступень человеческой эволюции, рискованная афера оборачивается контактом с иной формой жизни, художники в качестве холстов используют целые планеты, а обычный день инструктора по управлению космическими кораблями превращается в настоящий триллер. От постсингулярности до проблем искусственного интеллекта, от настоящей утопии до новых форм общества – все это «Край бесконечности», твердая научная фантастика в своих самых незаурядных и захватывающих проявлениях. Аластер Рейнольдс, Джеймс Кори, Ханну Райаниеми, Брюс Стерлинг, Стивен Бакстер, Пол Макоули, Пэт Кэдиган и многие другие – впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-087715-7

© Раш К. К., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Пэт Кэдиган	10
Элизабет Бир	26
Джеймс С. А. Кори	35
Сандра Макдональд и Стивен Кови	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джонатан Стрэн

Край бесконечности: сборник рассказов

Edited by Jonathan Strahan

Edge of Infinity

© 2012 by Jonathan Strahan.

© Ирина Епифанова, перевод, 2015

© Владислав Заря, перевод, 2015

© Николай Караев, перевод, 2015

© Юлия Никифорова, перевод, 2015

© Галина Соловьева, перевод, 2015

© Илья Суханов, перевод, 2015

© Дмитрий Вишневский, иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Моему коллеге и другу Гарднеру Дозуа немного настоящей
научной фантастики!*

Благодарности

Мне очень понравилось работать над этой книгой, и я хотел бы поблагодарить моего редактора в издательстве «Солярис» Джонатана Оливера, Бена Смита и всю команду «Ребеллион» за их доброту, помощь и внимание за последние годы. Я бы также хотел поблагодарить всех участников этой антологии за то, что разрешили опубликовать их рассказы: Дэниела Абрахама, Джона Барнса, Стивена Бакстера, Элизабет Бир, Пэт Кэдиган, Стивена Д. Кови, Тая Фрэнка, Гвинет Джонс, Пола Макоули, Сандру Макдональд, Ан Овомойела, Ханну Райаниеми, Аластера Рейнольдса, Кристин Кэтрин Раш и Брюса Стерлинга. Также моя благодарность Питеру Гамильтону и Питеру Уоттсу, которые стали бы частью этой книги, если бы то позволили обстоятельства. Как обычно, я бы хотел поблагодарить моего замечательного агента Говарда Морхайма и его прекрасную новую ассистентку Алису Спилбург.

И, наконец, признательность моей жене Марианне, которая помогала в работе над книгой, и моим дочерям, Джессике и Софии, за их любовь и поддержку.

Введение

Знакомьтесь: четвертое поколение научной фантастики.

Год назад я работал над книгой «Конструируя бесконечность»¹, сборником рассказов, призванным всесторонне рассмотреть вопрос, что собой представляет научная фантастика во втором десятилетии XXI века. Во введении к той книге я употребил термин «четвертое поколение научной фантастики» и высказал мысль, что НФ после появления на свет прошла через период взросления и зрелости и теперь вступила в пост-дефицитную фазу, характеризующуюся невероятным многообразием и полнотой.

Введя этот термин, я намеревался всего лишь подчеркнуть глубину и разноплановость современной научной фантастики с точки зрения одновременно и читателей, и авторов, а также показать ее широчайший охват и системность, которые выражаются в стиле, темах, антураже и т. д. В общем, все отлично, работа в творческой лаборатории кипит! Однако, когда сборник «Конструируя бесконечность» ушел в печать, и настало время переключиться на другие проекты, до меня вдруг дошло, что термин «четвертое поколение» прекрасно подходит для описания еще одного процесса в жанре.

Научно-фантастическое сообщество – в чем-то нездоровая субкультура. Она слишком одержима собственной гибелью и концом издания научной фантастики. Настолько одержима, что почитает за честь с монотонной регулярностью докладывать, что она умирает, скоро умрет или вообще уже давным-давно скончалась. Я не проверял, но искренне убежден, что мой добрый друг и коллега Гарднер Дозуа констатировал этот факт в предисловии к почти каждой из трех десятков антологий «лучшего за год», составленных им с 1977 года и до настоящего времени. И это не потому, что Гарднер такой уж депрессивный тип, и не потому, что он смакует гибель нашего общего дела. А потому, что научную фантастику, как я недавно осознал, убивает наука.

И это не тенденция последних лет – так было всегда. Каким образом? А таким: каждый день ученые ходят на работу и выдвигают новые гипотезы, публикуют новые материалы и обнаруживают новые факты. Информационный фундамент, на котором писатели-фантасты строят свои произведения, постоянно шатается и изменяется, как, собственно, и должно быть. Это прекрасно и удивительно, и вряд ли хоть один писатель-фантаст на планете откажется на это пожаловаться. Однако этот постоянный шквал фактов – враг романтики, а научно-фантастической литературе для выживания романтика просто необходима.

Возьмем в качестве примера Марс. Американский бизнесмен, астроном и математик Персиваль Лоуэлл, восхитившись рисунками итальянского астронома Джованни Скиапарелли, влюбился в эту планету и вложил немалую лепту в популяризацию каналов Марса. То видение мира, вполне логичное с точки зрения тогдашней науки, легло в основу романа Эдгара Райса Берроуза «Принцесса Марса», где описывается Гелиум – обширные просторы на месте высохших морей, населенные тарками, декорации для приключений землянина Джона Картера, полных сражений и преодоления силы тяготения. К 1964 году такая картина мира устарела, ее смела приливная волна фактов, которые были установлены благодаря межпланетной автоматической станции «Маринер», взявшей пробы марсианского грунта. А к концу 70-х, благодаря «Маринерам», «Викингам» и «Вояджерам», образ Гелиума окончательно пошел прахом, оставив нас с современными представлениями о Марсе как о бесконечной, словно вылинявшей пустыне, которая действительно прикончит кого угодно.

Впрочем, не сказать чтобы научная фантастика не пыталась принять брошенный научкой вызов. Пыталась и делает это до сих пор. В 1980-х бурным потоком хлынули романы

¹ «Engineering Infinity».

(самые выдающиеся принадлежали перу Кима Стенли Робинсона – речь о его жесткой и поучительной «Марсианской трилогии»), где авторы все-таки пытались превратить Марс в место, населенное людьми, – очень опасное, но все же вполне подходящее для романтики и приключений, место, которое может стать будущим домом для человечества. Эту же эстафету подхватили Грег Бир с книгой «Колонизация Марса» и Терри Биссон «Путешествие на Красную планету», а также многие другие писатели.

Как все вышеперечисленное связано с четвертым поколением? Будьте снисходительны, потерпите еще чуть-чуть. Считается, что, когда в 1984 году из печати вышел «Нейромант» Уильяма Гибсона, случайно совпавший с революцией в представлениях о Марсе, он переключил научную фантастику с технологической и сфокусированной вовне на ориентированную внутрь, всматривающуюся в киберпространство и даже в подсознание. Киберпанк пришел к нам с улиц, и его сосредоточенность на киберпространстве заставила писателей отвернуться от физического мира и от научно-фантастических полетов к звездам – всего несколько десятилетий назад такую ситуацию невозможно было себе представить. Проходили годы, накапливалась информация, путешествия к звездам стали казаться все более трудноосуществимой затеей, даже просто покинуть нашу планету – и то стало выглядеть дерзостью, поэтому научная фантастика переориентировалась на земные темы, которые, впрочем, помогут нам однажды бросить вызов космосу.

И нетрудно понять, почему так сложилось. Прилив оптимизма, связанный с эпохой первого спутника, собаки-космонавта Лайки, Нила Армстронга, «Аполлона-11», «Вояджера», орбитальной космической станции «Скайлэб», и так уже успел выдохнуться, а тут еще в 2003 году потерпел крушение шаттл «Колумбия». Тот момент обозначил для многих из нас конец романтических мечтаний о будущем, крах представлений о том, что мы однажды покинем родную планету и устремимся к далеким мирам. Новые истории все чаще повествовали о человечестве, привязанном к Земле, где все исследование космоса ограничивалось отправкой к другим планетам роботов и автоматических исследовательских станций или переносом человеческого сознания на искусственные носители. Весьма практичное научное будущее.

И при этом научная фантастика не обходится без романтизации науки и воображения, она рассказывает о нашей влюбленности в завтрашний день. С приходом четвертого поколения (вот видите, я все-таки вернулся к этой теме!) появилась новая разновидность сюжетов, в которой нам находилось место если (пока) не на звездах, то хотя бы в нашей родной Солнечной системе. Эти сюжеты были до некоторой степени посвящены моделированию и конструированию. Они повествовали о мощнейших двигателях и маломерных судах, о крошечных колониях и накачанном воздухом пузырях, отправляющихся к Луне, к Марсу, сквозь пояс астероидов, мимо поражающего размерами Юпитера и дальше, в более отдаленные и холодные уголки космоса. Этот сюжет служит фоном в огромном количестве фантастических рассказов, опубликованных за последние лет шесть, и распускается пышным цветом в масштабных романах вроде «Пробуждения Левиафана» Джеймса С. А. Кори и потрясающего «2312» Кима Стенли Робинсона. Это сюжеты, наполненные романтикой, приключениями и любовью к науке и к нашей Солнечной системе. Это истории четвертой эры научной фантастики.

Итак, мы снова вернулись к этой книге. «Край бесконечности», как и свидетельствует из названия, во многом перекликается с антологией «Конструируя бесконечность». Это книга четвертого поколения. В ней собраны истории, действие которых неизменно происходит в индустриальной и колонизированной Солнечной системе во времена, когда полеты к далеким звездам еще только маячат на горизонте, а жизнь существует пока только в самых теплых уголках близ нашей звезды, а также в самых холодных и удаленных точках нашей собственной планеты. И притом что отдельные истории могут показаться вам более свет-

лыми, а другие более мрачными, все они – признание в любви нашему дому, нашему будущему и научной фантастике. И наверняка не последнее признание.

*Джонатан Стрэн,
Перт, Западная Австралия*

Пэт Кэдиган

Рыбеха-дуреха, подавшаяся в суши

На девятой деце своей второй ноль-весомки Рыбеха протаранила берг в Главном кольце и сломала ногу. Расщеплением кости дело не ограничилось – дуреха заработала сложный перелом! Йау! Вот делища! К счастью, мы успели обслужить почти все глазки, а это, как по мне, больше сам-дурак-работа, чем труд-работа. Шли последние децы перед ударной встречкой с Океке-Хайтауэр, и кометная лихорадка косила всех подряд.

Наблюдабельных встречек на Большом Ю не бывало без малого три сотни (грязючных) лет – Шумейкер-Кактотамкер, – но во время оно никто на встречу не глазел, потому что и рядом не летал. Теперь всякие ньюз-каналы, институты и деньгомешки со всех закоулков Солнечной отстегивали Юпитер-Операциям за вид вблизи. Все до единой бригады ЮПОпа работали не покладая конечностей – размещали камеры на камерах и резервкаммеры на резервкаммерах: оптические, инфракрасные, рентгеновские и всяко-прочие. Рыбеха была на седьмом небе, все болтала о том, какая это круть – увидеть событие своими глазами. Лучше бы дуреха смотрела по сторонам и не перлась куда не надо.

Я сама была в одежке и знала, что костюм Рыбехи сдюжит, но вот незадача – бесперые двуногие, когда повреждаются, склонны к головокружению. Потому я надула пузырь, вместивший нас обеих, зачехлила ей ногу, до отказа накачала дуреху веществами и вызвала «скорую». Желейка с остальной командой уже были на той стороне Большого Ю. Я сообщила им, что мы вне игры и кому-то надо доделать пару-тройку глазков в нашем радиане. Дуреха, как принято у двоеходиков, стиснула челюсти и держалась так, будто мы с ней травим конец смены. В тупик ее ставило, кажись, только О. Рыбеха просекла консенсусную ориентацию быстрее всех двоеходиков, с которыми мне доводилось впахивать, но ориентироваться на веществах – это совсем другое. Я старалась отвлекать дуреху, пересказывая всякие слухи, а когда они кончились, стала городить чушь.

И тут она вдруг сказала:

– Ну вот, Аркея, время мое пришло.

Звучало это чертовски окончательно, и я решила, что она увольняется. И сдулась, потому что наша дуреха мне нравилась. Я сказала:

– Эх, дорогуша, мы здесь-у-нас будем по тебе скучать.

А она засмеялась:

– Не-не-не, я не ухожу. Я подамся в суши.

Я похлопала ее по плечу, решив, что слышу мусор в ее системе. Рыбеха наша хоть и дуреха, но далеко не простая – она и здесь-у-нас круче многих, и всегда была особенной. В Грязюке она была умницей, выдающимся ученым и королевой красоты. Именно так – бесперая двуногая гениальная королева красоты. Либо верь, либо в дверь, как говорит Шире-Глюк.

Рыбеха провела с нами три с половиной децы и только тогда проговорила насчет королевы красоты. Наша команда травила конец смены – она, я, Дюбонне, Шире-Глюк, Тетя Шови, Бульбуль, Наживчик, Глынис и Фред – и мы все чуть не потеряли нашу О.

– Вау, – сказал Дюбонне. – А за хмырь во всем хмыре ты выступала?

Я не поняла вопроса, но уловила, что это типа подколка. Трижды шлепнув Дюбонне, я предложила ему уважать чужую культуру.

Но Рыбеха ответила:

– Эй, все-подряд, спрашивайте сколько влезет. Это на деле такая глупость. Чего люди запариваются по такой фигище, я вообще не втыкаю. Мы должны быть прогрессивными и

просвещенными, а нам по-прежнему важно, как женщина выглядит в купальнике. Прошу извинить: двуногая женщина, – добавила она, усмехнувшись. – И – нет, хмырь во всем хмыре как-то не по моей части.

– Если ты так к этому относишься, – сказала Тетя Шови, уставясь на Рыбеху серьезными глазищами и переплетя все восемь рук, – зачем тебе это было надо?

– По-другому сюда-к-нам было не выбратся, – ответила Рыбеха.

– По чесноку? – спросил Бульбуль за секунду до того, как я выпалила то же самое.

– По чесноку. У меня в заглавнике ценный металл за внешний вид и аттестацию качества продукции плюс полная оплата обучения, мой выбор вуза...

Рыбеха улыбнулась, а я думала, что она ровно так должна была улыбаться, когда ее объявили Королевой Бесперых Двуногих Гениальных Леди, или как там у них это называется. Не то чтобы неискренне, нет, но лицо двоеходика – всего лишь группа мышц, и я могла поклясться, что Рыбеха своей улыбке научилась.

– Я копила деньги как одержимая, чтобы получить после вуза еще одну степень, – продолжала она. – Геология.

– Грязючная геология, м-да, – сказала Шире-Глюк. Когда-то ее звали Шерлок, но Шире-Глюк первой признает, что ума ей недодали, зато глючит ее не по-детски.

– Вот поэтому я и стала копить на второе образование, – сказала Рыбеха. – Чтоб добиться максимума имеющимися инструментами. Вы в курсе, каково это. Все-подряд в курсе, верно?

Верно.

* * *

До нас Рыбеха впахивала с другими ЮпОповскими командами, и все они были смешанными – двоеходики и суши трудились рядышком. Полагаю, она им всем нравилась и наоборот, но с нами она была как дома, что не очень-то обычно для двуногой в сплошь осьминожьей бригаде. Мне она пришлась по душе сразу, и это о чем-то да говорит – как правило, чтобы срезонировать даже с суши, мне требуется изрядно времени. Ничего не имею против бесперых двуногих, честное слово. Многие суши – сознаются далеко не все – косоурятся на этот вид из базового принципа, но у меня всегда получалось ладить с двуногими. Не скажу что здесь-у-нас командиться с ними – это для меня супер-шмупер. Обучать их тяжелее, и не потому, что они тупые. Просто двоеходики не приспособлены для этого дела. Не так, как суши. Но они все летят и летят, и большая часть хоть квадродецу, но выдерживает. Здесь-у-нас ведь столь же красиво, сколь и опасно. Я каждый день вижу несколько наружников, неуклюжих, как морские звезды в скафандрах.

Это не считая тех, которые падают в клиниках и больницах. Врачи, сестры, фельдшеры, техники, физиотерапевты, санитары – все они стандартные бесперые двуногие. По закону. Факт: не нарушая закона, нельзя заниматься медициной в любой форме, отличной от базовой человеческой, даже если у вас уже есть диплом врача, – якобы потому, что все оборудование заточено под двоеходиков. Хирургические инструменты, операционные, стерильная одежда, даже резиновые перчатки – и на тех пальчиков не хватает, а те, что есть, коротки. Ха-ха – немного юмора от суши. Для вас это, может, и не смешно, но свежаки ржут до помутнения.

Не знаю, сколько двоеходиков подаются в суши за год (грязючный или юповский), а уж графиков с их мотивами я не видала и подавно; мы здесь-у-нас живем повсюду, Статистика не по моей орбите, но я точно знаю одно: полдюжины двоеходиков ходатайствуют о переходе каждые восемь дец. Бывает, понимаете ли, всяко-разное.

В прежние дни, когда переметывалась я, никто не шел в суши, пока не припирало. Чаше всего ты или болел чем-то неизлечимым, или становился физически недееспособен до конца

дней своих по двуногому стандарту, то есть на уровне моря на третьей планете. Временами инвалидность была социальной, а точнее, уголовной. В Исконном Поколении здесь-у-нас среди калек хватало каторжников, иным из которых оставалось всего ничего.

Если спросить суши, мы скажем, что ИП длилось шесть лет, но нам всем положено использовать грязючный календарь, даже когда мы говорим друг с другом (здесь-у-нас каждый приучается конвертировать время на лету), а по летоисчислению Грязюки это чуть больше семидесяти лет. Двуногие утверждают, что речь о трех поколениях, а не об одном. Мы с ними не спорим, потому что хрена они аргументируют. *Что бы то ни было.* Такими уж они сделаны. Двуногие строго бинарны, они только и могут, что выбирать из нуля и единицы, да и нет, правды и лжи.

Но после переметки это строго бинарное мышление исчезает первым, и быстро. Не знаю никого, кто по нему скучал бы: я – точно нет.

* * *

Короче, я иду провести Рыбеху в одну из клиник на паутинных кольцах. Крыло закрыто для посторонних, внутрь пускают только тех, кто в Списке. Если вы еще не заколдобились, вот вам вросшая в пол двоеходица в мундире, единственное занятие которой – проверять Список. Думаю, а туда ли меня занесло-то, но тут двоеходица обнаруживает меня в Списке и разрешает провести Ля-Соледад-и-Гвюдмюндсдоттир. Секунду я дотумкиваю, о чем она. И как наша Рыбеха-дуреха дошла до жизни такой? Иду через портал в шлюзостиле, а там меня поджидает другой двоеходик, типа сопровождение. В руках у него палки с липкими концами, чтобы нормально передвигаться, и орудует он ими ничего так, но я-то вижу, что парень-дурень совладал с этими палками совсем недавно. Он почти все время маневрирует так, чтобы стопа касалась пола, – чтобы казалось, будто он шагает.

Суши с моим стажем этих двоеходиков насквозь видят. Звучит жутко снисходительно, я не имела это в виду. В конце концов, я и сама когда-то ходила на своих двоих. Все мы начинали как бесперые двуногие: суши не рождаются. Но многие из нас считают, что родились *быть* суши, пусть это чувство не шибко коррелирует с двоеходиками, которые заправляют всем на свете. С реальностью-то не поспоришь.

Мы с пареньком-палколюбом проходим полный радиан и упираемся в другой шлюз.

– За ним, – бросает он. – Я заберу вас, когда будете готовы.

Спасибкаю и всплываю в портал, удивляясь, какой тусклой лампе пришло в голову приставить ко мне этого чувака; Тетя Шови называет таких дурней «добавкой к требованиям». Трубопроводы в туннеле запечатаны, ни в них, ни между ними не спрячешься. Я знаю, что Рыбеха адски богата и вынуждена нанимать людей, чтобы те тратили ее деньги, но, думаю, ей стоит чаще нанимать умников, понимающих разницу между тратой и растратой.

А вот и наша дуреха – в центре больничной кровати, почти такой же огромной, как отправивший Рыбеху сюда кольцевой берг. В ее распоряжении целая палата – все стены развернуты так, чтобы пациентка оказалась в большой отдельной комнате. В дальнем конце – несколько медсестер: расселись и посасывают кофе из пузырьков. Заслышав, что я иду, они спешно отлепляются от стульев и тянутся к рабочим вещам, но я всеми восемью конечностями даю сигнал «расслабьтесь» – *светский визит, я никто, не надо суетиться*, – и они возвращаются на свои места.

Восседающая посреди подушечного гнезда Рыбеха выглядит неплохо, разве что чуть недоваренно. На ее голове – новый нарост в три сантиметра толщиной, и эта штука явно зудит, потому что Рыбеха постоянно ее чешет. Невзирая на инкубатор вокруг ноги, она настаивает на полном объятии, четыре на четыре, потом хлопает по простыне рядом с собой.

– Аркея, будь как дома!

– А это по правилам, когда посетитель садится на кровать? – спрашиваю я, цепляясь парой рук за ближайший привязной столб. На столбе красуется раскладное сиденье для двуногих гостей. В этой палате есть *все*.

– Ага. Правило простое: все в порядке, если я так говорю. Сама посмотри, эта кровать больше, чем многие мои апартаменты. Здесь может устроить пикник вся команда. И очень жаль, что их тут нет. – Она чуть сникает. – Как там все-подряд, пашут без продыху?

Опускаюсь на кровать.

– Всегда нужно или лабу строить, или хард обслуживать, или урожай инфы собрать, – говорю осторожно, – если ты это имела в виду.

По ее гримасе понимаю, что не это.

– Ты одна пришла меня проводить, – говорит она.

– Может, остальных не было в Списке.

– Что за список? – спрашивает. Я рассказываю. У нее падает челюсть, тут же по обе стороны кровати объявляются сестры, нервные как черти, и осведомляются, все ли с Рыбехой в порядке. – Отойдите, могу я побыть с кем-то наедине, ну же?

Они подчиняются, хоть и с неохотой, и глазеют на меня так, будто не шибко уверены, что, пока я сижу на этой кровати, Рыбеха в безопасности.

– Не ори *на них*, – говорю я чуть погодя. – Если с тобой что стрясется, это будет их вина. Они просто заботятся о тебе, как умеют.

Распрямляю две руки, одной обвожу комнату, другой указываю на инкубатор, в котором квадриллион наноректиков правит Рыбехину ногу от самого костного мозга, и нога, уверяю вас по личному опыту, *зудит. Страшно зудит*. Безусловно, в том числе поэтому Рыбеха как в космос опущена – что сделаешь, когда чешется чертов *костный мозг*? – и мои слова ей не помогают.

– Я могла бы догадаться, – вскипает она, почесывая голову. – Это все те, на кого я работаю.

Чушь какая-то. У ЮпОп на такие хоромы средств нет.

– Думаю, дорогуша, ты ошибаешься, – говорю я. – *Только предположи* мы, что у ЮпОпа водится столь ценный металл, суши мигом взяли бы эту Бастилию, и головы покати...

– Не, я о грязючниках. Мой облик лицензирован для рекламы и шоу-биза, – говорит она. – Я думала, если улечу сюда-к-нам, спрос на меня снизится: с глаз долой – из сердца вон, понимаешь? Но, очевидно, концепт «королева красоты в космосе» еще блещет новизной.

– Значит, ты по-прежнему богата, – говорю я. – Это разве плохо?

Она кривит лицо, как от боли.

– Ты бы согласилась на бессрочный контракт просто ради богатства? Даже ради *такого* богатства?

– Нельзя обогатиться на бессрочном контракте, – говорю я мягко, – и профсоюзы не столь тупы, чтобы их разрешать.

Она задумывается на пару секунд.

– Ладно, скажи вот что: бывало у тебя такое, когда ты думала, что чем-то владеешь, а потом выяснила, что ты сама – его собственность?

– Ох.... – До меня доходит. – Они могут заставить тебя вернуться?

– Они пытаются, – говорит Рыбеха. – Вчера ночью пришло постановление суда, требующее, чтобы я вляпалась в Грязюку как можно быстрее. Доктора внесли коррективы: *они* разрешат мне отчалить, когда я буду здорова, но до бесконечности этот момент не оттянуть. Ты знаешь хороших законников? Здесь-у-нас? – добавляет она.

– Ну да. Само собой, все они суши.

Рыбега светлеет:
– Самое оно.

* * *

Здесь-у-нас не всякий наutilus помпилиус – законник (эта форма популярна также среди библиотекарей, исследователей и всяко-прочих, чьи извилины рутинно перегружены информацией), однако всякий законник в Юп-системе – наutilus помпилиус. Речь не о юридическом ограничении, как с двуногими и медициной, просто так уж повелось – и возникла такая вот традиция. Если верить Голубе, партнеру в фирме, с которой имеет дело наш профсоюз, для суши это эквивалент напудренных париков и черных мантий, которые мы видели и здесь-у-нас, когда двоеходики из иных регионов Грязюки прилетали со своими адвокатами.

Голуба говорит, что, как бы ни тщились двуногие законники выказать себя профессионалами, все они ломаются и начинают чудить при встрече со своими суши-коллегами. Когда профсоюз в последний раз вел переговоры с ЮпОпом, штаб-квартира прислала из Грязюки полную жестянку юрисконсультов. На самом-то деле с Марса, но они не были марсианскими гражданами и отправились потом прямо на Номер Три. Голуба с ними не общалась, однако держала нас в курсе по максимуму, не нарушая никаких предписаний.

Голуба – спец по цивилистике и правам суши, она защищает наши, граждан Юп-системы, интересы. Включая не только суши и суши-на-переходной-стадии, но и людей перед операцией – пред-опов. Любой двоеходик, подавший заверенное ходатайство о хирургической перемене формы, по закону становится суши.

У пред-опов забот полон рот: злые родичи, *богатые* злые родичи с постановлениями какого-нибудь грязючного верховного суда, растерянные/встревоженные дети, родители и бывшие супруги с разбитым сердцем, иски и контрактные споры. Голуба занимается и этими, и всяко-прочими проблемами: верификация идентичности, передача денег и собственности, биометрические перенастройки, а также организация посредничества, психологические консультации (для всех, включая злых родичей), даже религиозное водительство. Большинство двуногих жутко удивились бы, узнав, сколь многие из нас подаются в суши, чтобы найти Бога, ну или что-то еще. В основном мы, включая меня, попадаем в последнюю категорию, но и тех, кто алчет организованной религии, среди нас немало. Я думаю, невозможно так радикально перемениться, не открыв в себе какую-то духовность.

Рыбега официально пока не пред-оп, но я знала, что никто лучше Голубы не поведает дурехе, с чем та столкнется, если на это дело решится. Голуба отлично представляет себе, что именно двоеходики хотят услышать, и говорит то, что им надо знать, так, чтобы они дослушали до конца. Я думала, это психология, но Голуба говорит, что скорее уж лингвистика.

Как сказала бы Шире-Глюк: меня не спрашивайте, я тут всего лишь шныряю во мраке.

* * *

Назавтра я заявляюсь под руки с Голубой, и Спископроверяльщица глазееет на нас так, будто в жизни ничего похожего не видела. Записывает наши имена, но как-то не радуется, что меня огорчает. Проверка Списка – работа, проявления эмоций не требующая.

– Вы адвокат? – вопрошает она Голубу. Глаза у них на одном уровне; щупальца Голубы убраны, чтобы никто не возбух.

– Если надо, просканьте меня еще раз, – отвечает Голуба добросердечно. – Я подожду. Мама всегда говорила: семь раз отмерь, один раз отрежь.

Секунду-другую Спископроверяльщица не понимает, что ей вообще делать, потом ска-
нит нас обеих наново.

– Да, вот ваши имена. Просто... ну, она сказала «адвокат», и я думала... мне казалось,
что вы... э-э-э...

Она мекает и бекает так долго, что ее всю перекашивает, и тут Голуба, смилостивив-
шись, говорит:

– Двуногая.

Голуба по-прежнему добросердечна, но щупальца ее змеятся в открытую.

– Вы не местная, не так ли? – спрашивает она приторно-сладко, и я чуть не лопаюсь
от смеха.

– Нет, – отвечает Спископроверяльщица тонким голосом, – я дальше Марса в жизни
не летала.

– Если двуногий на другом конце портала настолько же провинциален, лучше преду-
предите его сразу.

Мы идем через портал, и Голуба добавляет:

– Поздно!

Нас ждет все тот же парень с палками, но, когда Голуба его видит, она издает свой
безумный судорожный клич и врезается парню в лицо, да так, что щупальца пляшут на его
коже.

– Сукин ты сын! – говорит она, абсолютно счастливая.

И палколюб ей отвечает:

– Привет, мамочка.

– Оу. Ке-ей, – говорю я, обращаясь к кому-нибудь во Вселенной, кто может меня услы-
шать. – Я вот думаю про церебральную клизму. Самое время – нет?

– Расслабься, – говорит Голуба. – «Привет, мамочка» – это ответ на обращение «сукин
сын».

– Или «привет, папочка», – говорит палколюб, – в зависимости от.

– Да вы все для меня на одно лицо, – отвечает Голуба. – Вселенная похожа на чемо-
дан, Аркеечка. Нас с Флорианом когда-то вместе брали в заложники – давно, я была еще
двоеходицей.

– По чесноку?

Я удивлена до чертиков. Голуба никогда не говорит о своей двуногой жизни – соб-
ственно, как и все мы. И я не знаю случаев, чтобы суши чисто случайно встречали кого-то,
с кем были знакомы до перехода.

– Я был ребенком, – говорит палколюб. – Десять грязючных дней. Голуба держала меня
за руку. Я рад, что мы познакомились, когда у нее еще была рука.

– Противным он был ребенком, – говорит Голуба, пока мы идем в Рыбехину палату. –
Я держала его за руку, чтобы он не испугал похитителей – те могли нас шлепнуть.

Палколюб фыркает.

– Тогда почему ты писала мне письма, когда все кончилось?

– Думала, если я помогу тебе стать менее противным, ты не вдохновишь никого на
новые похищения. Вдруг спасу чью-то жизнь.

В жизни не слыхала о дружбе суши с двуногим после перехода. Пытаюсь осмыслить
происходящее, пока мы движемся по второму portalу.

Завидев нас, Рыбеха на долю секунды приходит в ужас, потом улыбается. Улыбкой
человека, которому страшно. И тут уже становится страшно мне. Я сказала ей, что приведу
суши-законника. Дуреха ни разу при мне не колдобилась, даже с желейками, а это о чем-то
да говорит. Даже зная, что все до одного желейки – ИскИны, ты какое-то время привыкаешь
к ним, будь ты любой формы, двоеходик или суши.

– Слишком червячно, да? – спрашивает Голуба, сворачивая щупальца и усаживаясь на кровать на почтительном расстоянии от Рыбехи.

– Извините, – говорит та, корча гримасу от боли. – Я не хочу выглядеть грубой или нетерпимой...

– Забудьте, – велит Голуба. – Ящеркины мозги срама не имут.

«Червячины Голубы задевают Рыбеху сильнее, чем мои присоски? – изумляюсь я. – Ящеркины мозги еще и логики не имут».

– Аркеечка говорит, вы хотите податься в суши, – продолжает Голуба непринужденно. – Что вы знаете о переходе?

– Я знаю, что нужна туева хуча операций, но, думаю, у меня хватит денег, чтобы оплатить большую их часть.

– Возможен кредит на чрезвычайно благоприятных условиях. Вы сможете жить на эти деньги и платить за операции...

– Я бы хотела выплатить как можно больше, пока мои средства еще ликвидны.

– Опасаетесь, что ваши активы заморозят? – Непринужденность Голубы моментально сменяется резвостью. – Тут я могу вам помочь, даже если вы решите не переметываться. Просто скажите, что я – ваш юрист, хватит и устной договоренности.

– Но деньги-то в Грязюке...

– А вы здесь. Вся штука в том, где вы. Я бацну вам инфу насчет кредитов и хирургии... почти все знают, к какой форме стремятся, может, вы из большинства, но не помешает узнать обо всем спектре...

Рыбеха поднимает руку:

– Эмм, Аркея... Не возражаешь, если я побеседую с моим новым адвокатом наедине?

Я готова разозлиться не на шутку, но тут Голуба говорит:

– Разумеется, не возражает. Она же в курсе, что присутствие третьей стороны сводит конфиденциальность на нет. Верно, Аркеечка?

Я разом ощущаю себя идиоткой и чувствую облегчение. Потом гляжу на лицо Рыбехи и понимаю, что все сложнее, чем я думала.

* * *

Назавтра команду вызывают прополоть и перезасеять Гало. По нам опять бьет кометная лихорадка. Мы шлем Рыбехе глупое бодрящее видео – до скорой, мол, встречи.

Лично я считаю, что сеять сенсоры в пыли, когда у нас полно глазков на Главном кольце, – зряшная работа. Львиная доля сенсоров скопытится до истечения срока годности, а те, что не скопытятся, не сообщат нам ничего такого, чего мы не знаем. Прополка – извлечение мертвых сенсоров – не в пример интереснее. Распадаясь, мертвинка смешивается с пылью, обретает странную форму, текстуру и куда более странную расцветку. Если попадается что-то напрочь дикое, я прошу разрешить мне оставить мертвинку себе. Обычно отказывают. Без переработки здесь-у-нас нет жизни: масса в минус, масса в плюс; создал, рас-создал, пересоздал, всяко-прочее. Но изредка возникает переизбыток чего-то – ничто ничему никогда не равно тютельница в тютельница – и я увожу в свой угол маленький талисман на удачу.

Мы почти добираемся до Гало, когда желейка сообщает, что команда, сеявшая тут в последний раз, не выполола мертвинки. Вот тебе и масса в минус, масса в плюс. Мы все удивлены: никто из нас не мотает домой, бросив работу на половине. Значит, теперь нам надо зависнуть в желейкиной бадейке над Севполюсом и отсканить это стебаное Гало на предмет материальных маркеров. Что типа просто, однако на деле куча всего не ловится в принципе. Трижды Фред применяет глубокий скан, но на Метиде шаром покати – и нет никаких следов того, что мертвинки просочились в Главное кольцо.

– Видать, все попадали на Большой Ю, – говорит Наживчик. Он смотрит на мерцающее полярное сияние внизу как под гипнозом, а может, он под ним и есть. Полярный шестиугольник Наживчика завораживает.

– Вся туева хуча? – спрашивает Бульбуль. – Ты же знаешь, что нам скажут: многовато мертвинок для простого совпадения.

– Мы знаем, *почему* последняя команда не извлекла мертвинки? – Тетя Шови уже на взводе. Если постучать по ее башке, услышишь до-диез пятой октавы.

– Нет, – отвечает Фред. – Я даже не знаю, что это была за команда. Не убрали – и все дела.

Дюбонне велит желейке выяснить. Тот говорит, что запрос отослан, но приоритет у него низкий, а значит, надо подождать.

– Стебанные трубные червяки, – рычит Бульбуль, сплетая щупальца чуть не морским узлом. – Лишь бы показать, какие они крутые.

– Трубные червяки – ИскИны, у них нет чувств, – говорит желейка с ИскИнной безмятежностью, которая может миг снести крышу. – Как и желейки.

Тут прорезается Глынис:

– Отскань Большой Ю.

– Там все в интерференции, – говорю я. – Шторма...

– Побалуй меня, – перебивает Глынис. – Или ты куда спешишь?

Желейка приспускает нас до середины Главного кольца, и мы возвращаемся вместе с планетой, только ускоренно. И, блинский же блин – Вселенная слетела с катушек или мы? – натыкаемся на мертвинки в атмосфере.

Чего быть не должно. Дело не в штормовой интерференции – Большой Ю раздалбывает своим притяжением все, что сжирает. Задолго до того, как я подалась в суши (а это было довольно-таки давно), в юпитерианскую атмосферу перестали посылать зонды. Те не висли спокойно в облаках, и ни один из них не протянул так долго, чтобы добраться до жидкого металлического водорода. Другими словами, сенсоры должны были стать сущими атомами, а маркеры – раздавиться до основания. Мертвинки не могут висеть в облаках, если только что-то их там не держит.

– Это наверняка технический сбой, – говорит Бульбуль. – Что-то такое.

– Ах, меня укачало, я потеряла свою О, – отвечает Тетя Шови, и это – нынешний сигнал всей команде: *перейти на семафор*.

У двуногих есть язык жестов и древний семафор с флагами, но семафор осьминожьей команды – это совсем другая штука. Осьми-сем изменяется в процессе, то есть каждая команда говорит на другом языке, причем другой он и от разговора к разговору. Записать «сказанное» невозможно, наш семафор не похож на словесную коммуникацию – он работает на консенсусе. Не то чтобы его нельзя было взломать, но и лучший ИскИн-дешифратор тратит на взлом не меньше полдецы. Раскодировка разговора за пять дней не слишком-то эффективна.

Откровенно говоря, я где-то удивлена тем, что двоеходики ЮпОпа позволяют нам семафорить. Их никак не назовешь блюстителями частной жизни, особенно на работе. Речь далеко не только о суши: за всеми работниками на двух ногах, как в Грязюке, так и здесь-у нас, в рабчасы ведется тотальная слежка. Тотальная – в смысле повсеместная, через аудиовиз: кабинеты, коридоры, кладовые, туалеты. Наживчик говорит, что потому-то двоеходики ЮпОпа всегда такие хмурые – они сдерживают себя до конца рабдня.

Видимо, пока мы впахиваем как надо, им все равно, как мы тут крутим щупальцами друг перед дружкой и какого мы при этом цвета. Кроме того, когда ты тут вкалываешь, беспокоиться о наблюдающих за тобой незачем – *лучше уж* пусть наблюдают. Никто не хочет

помереть в пузыре, ожидая помощи, которая не появится, потому что твой желейка вышел из строя и никто не получил аварийный сигнал.

Короче, мы размышляем о пропавшей материи и маркерах, которых не должно быть в штормовых системах Большого Ю, и сокращаем количество версий до трех: предыдущая команда вернулась и закончила работу, но кто-то забыл это дело зафиксировать; банда падальщиков с траулером прорвалась и нейтрализовала маркеры, чтобы перепродать сырье; или какая-то карликовая звезда ЮпОпа засеивает облака в надежде получить лучший вид на встречу с Океке-Хайтауэр.

Номер три – идея тупейшая: даже если сенсоры проживут до столкновения с Океке-Хайтауэр, они висят не там, где надо, и шторма попортят любую словленную ими инфу, – так что мы все соглашаемся: это оно. Дообсудив дело, мы решаем, что ничего не видели, и, когда ЮпОп спросит, где пропавшие сенсоры, мы скажем, что не в курсе. Потому как, по честной юпитской правде, мы и правда не.

Подбираем все, что можем найти, на что тратим два Ю-дня, засеиваем Гало новыми сенсорами и летим домой. Я звоню в клинику осведомиться о том, как дела у Рыбехи, и узнаю, что ей удалось внести в Список всю команду, так что можно устроить на ее широкой толстой кровати пикник. Но я связываюсь с Голубой, а та говорит, что наша дуреха – на операционном столе.

* * *

Голуба говорит, что по требованию самой Рыбехи она не имеет права сообщать, в какую суши Рыбеха хочет податься, никому, включая нас. Мне это кажется чуть забавным – пока мы не получаем первый дрон.

Он несет тарелочку ввода-вывода, позволяющую просочиться сквозь двойные стенки желейки и не вывести его из строя. ЮпОп использует такие дроны для доставки сообщений, считающихся «чувствительными», что бы это ни значило, и мы сперва решили, что к нам спешит эдакое вот сообщение.

Тут дрон озаряется, и мы глядим на изображение двоеходика, одетого по-дикторски. Он задает один вопрос за другим, и так по бесконечной замкнутой петле, а на панели справа от него прокручиваются раз за разом инструкции: «запись», «пауза», «воспроизведение».

Желейка осведомляется, желаем ли мы избавиться от дрона. Мы выбрасываем штуковину в мусорожелоб вместе с тарелочкой, и желейка выхлопом отправляет этот пакетированный хлам восвояси, чтобы тот сделался счастливой находкой какого-нибудь падальщика.

Позднее Дюбонне направляет ЮпОпу рапорт о несанкционированном проникновении. ЮпОп сигнализирует, что рапорт принят, но отвечать и не думает. Мы ожидаем выговор за неспособность распознать тарелочку до того, как дрон оказался в желейке. Ничего похожего.

– Нажрались до чертиков, – говорит Наживчик. – Пошли им запрос.

– Не посылай, – говорит Бульбуль. – Когда они протрезвеют, им придется замечать следы – или прощай, любимая пахота. Следы они заметут, это как восемью восемь.

– Пока кто-нибудь не проверит наши записи, – замечает Дюбонне и велит желейке сделать запрос, а тот заверяет Дюбонне, что его поступок мудр. В последнее время желейка повадился помалу нас комментировать. Лично мне его тонкие замечания нравятся.

Бульбуль, впрочем, расстраивается.

– Я пошутил, – говорит он, выбрав самый что ни на есть подходящий глагол. Шутку к делу не пришьешь, даже самую пошлую, но надо четко проговорить, что это была она.

Мы смеемся, чтобы обезопасить себя, – все, кроме Тети Шови, которая говорит, что это не смешно, а она смеется только искренне. Такие люди встречаются.

Дюбонне получает ответ через пару минут. Это формальное послание на юридическом сленге, и суть его проста: *мы вас услышали еще в первый раз, ступайте и не грешите.*

– Не могут же они *все* нажраться, – говорит Фред. – Или могут?

– Могут ли? – переспрашивает Шире-Глюк. – Вы, ребята, командитесь со мной уже давно и знаете, как глючит порой меня и всех-подряд, кто рядом.

– Тебя словно прихожанкой Церкви Подковы Четырехлистника подменили, – говорит Глынис.

Фред вскидывается.

– Ты про новое казино на Европе? – спрашивает он. Фред влюблен в казино. Не в азартные игры – в сами казино. Желейка предлагает проверить, что там с этим гнездилищем азарта.

– Синхрония реальна, за ней *математика*, – говорит Шире-Глюк. Ее кожа светлеет, то же у Глынис. Не хотела бы я, чтоб они устроили друг дружке рубиново-красный ад, пока мы все заперты в желейке. – А словарное определение прозорливости гласит: удача улыбается уму, который готов.

– Я готов к полету домой и выходу из системы и кто готов пойти со мной? – спрашивает Дюбонне, пресекая попытку Глынис ухмыльнуться. Мне нравятся Глынис и ее едкость, но порой я думаю, что лучше бы она была крабом, а не осьминогом.

* * *

Наши частные апартаменты предположительно не прослушиваются и не просматриваются, если не считать стандартного мониторинга безопасности.

Да, мы в это не верим ни единой наносекунды. Но если ЮпОп однажды попадется, профсоюзы съедят его менеджмент заживо, а косточки пойдут на удобрения микробным фермам Европы. Значит, либо за нами следят изощреннее, чем мы можем вообразить, либо ЮпОп идет на просчитанный риск. В основном суши придерживаются первой версии, но я – во втором лагере. То есть – они же почти все время нами любуются, так что для разнообразия наверняка отвлекаются порой на кого-то еще.

Апартаменты наши типичны для осьминожьих команд: восемь комнат в огромной коммуналке. Когда Рыбеха была с нами, мы отгораживали для нее уголок, но она все время умудрялась выходить за его пределы. Я имею в виду ее вещи: мы находили летающее белье в лавабо, ботинки на орбите вокруг лампы (хорошо, что Рыбехе нужно только два башмака), живгазеты, парящие по комнате на сквозняке. За время, проведенное здесь-у-нас, она так и не освоила домоводство в условиях невесомости. Когда впахиваешь на двух работах, чужое разгильдяйство перестает казаться милым очень скоро. Она, конечно, пыталась, но в итоге мы вынуждены были посмотреть правде в глаза: поселившаяся у нас дуреха – еще и неряха.

И я знала, что будет непросто, но не прошло и дня, как я начала скучать по нашей Рыбехе. Ловлю себя на том, что гляжу вокруг: не курсирует ли мимо меня одежда или аксессуар – последний беглец из Рыбехиных совсем не безопасных вещмешков?

* * *

– Итак, ты готова поставить на то, что она станет осьминожкой? – говорит Бульбуль, когда мы оказываемся дома.

– Кто готов поставить на что-то другое? – парирует Шире-Глюк.

– Не я, – объявляет Глынис столь кислым голосом, что у меня сводит зоб.

Я опасаясь, что она снова начнет разыгрывать из себя краба – цап-цап-царап, – но нет. Вместо этого Глынис всплывает в грот, прилепляется к стенке двумя руками и вбирает осталь-

ные, превратившись в непроницаемый комок. Она скучает по нашей дурехе и не желает ни с кем говорить, но и одной оставаться ей не хочется. Такие уж мы, осьминогие, – иногда хочешь одиночества, но необязательно наедине с собой.

Шире-Глюк присоединяется ко мне у холодильника и спрашивает:

– Ты как считаешь? Осьминожка?

– Фиг знает, – отвечаю я честно. Никогда не задавалась таким вопросом, но вряд ли потому, что заранее знаю ответ. Сгребаю упаковку кривля.

Тетя Шови, заметив это дело, делает большие серьезные глаза:

– Аркеюшка, нельзя питаться одним хрустящим крилем!

– Жить без него не могу, – отвечаю я.

– И я, – говорит Наживчик. Он тянется к кривлю из-за моей спины, а я вяжу его узлом.

– Сообщение от Голубы, – говорит Дюбонне, и мы, не переходя к борьбе, глядим на большой экран.

О Рыбехе в сообщении почти ничего и нет, разве только весть о том, что процесс идет своим чередом и через децу закончится. Правда, мы не понимаем, что это значит: то ли для Рыбехи все закончится, и она вернется, то ли Голуба говорит об операциях. Потом нас отвлекает остаток сообщения.

В нем полно клипов из Грязюки: двоеходики толкуют о Рыбехе, о том, какой они ее знали, и что вообще здесь-у-нас деется, и чем все это обернется для суши. Одним двоеходикам откровенно по барабану, другие прям распухли от важности происходящего.

Прошла туева хуча времени с тех пор, как я была двуногой, и мы здесь-у-нас живем так долго, что часто морфимся во времени. Двоеходица, которой я была когда-то, ни хрена не поняла бы ту, какой я стала сейчас. Ну так и осьминожка после реаба и встречи с первой командой точно так же не поняла бы.

Я не выбирала осьминожьей форму – в ту эпоху хирургия была не столь продвинутой, а наноректики не стали банальностью и не программились так легко, и ты получал форму, которую врачи тебе прописывали как самую подходящую для жизни. Новое тело меня сначала не радовало, но как-то сложновато грустить, когда такая красотища вокруг, особенно если чувствуешь себя на все сто. Прошло три или четыре Ю-года, после того как я переметнулась, и люди смогли наконец выбирать форму суши, но я ни о чем не жалею. Уже нет. У меня все прошло гладенько.

Но совсем не гладенько у меня на душе, когда я слушаю двоеходиков, жующих воздух о том, в чем они ни черта не смыслят, и рыгающих словесами вроде «выродки», «зверье» и «чудовищные недолюдки». Одна ньюз-программа фонтанирует клипами из недавнего римейка *«Чертova острова стебаного доктора Моро»*. Словно это, блинский блин, святое какое писание.

Держусь пару минут, потом тащу кривль в свое убежище, запираю люк и выключаю внешние звуки.

Чуть погода мне звонит Глынис:

– Ты же в курсе, как в далекой мертвой древности люди в Грязюке считали, что Вселенная вращается вокруг них? – Она делает паузу, но я не отвечаю. – Потом границы человеческих знаний расширились, и теперь мы все знаем, что были неправы.

– И что? – ворчу я.

– Не все хорошо учились в школе, – говорит она. И ждет моей реакции. – Аркея, ну же – разве *им* дано увидеть Океке-Хайтауэр?

– Я бы их прокатила на ней, – говорю я.

– Никто из них не помчится сюда-к-нам, выродам. Они все обнимут друг дружку в своей Грязюке и потонут в другдружкином дерьме. Пока не сделают то, ради чего их выхлопнули в эту Вселенную, – не вымрут с концами.

Открываю дверь.

– Ты же их завлекаешь, понимаешь ты или нет?

– Кого это я завлекаю? Никто из них меня не слышит. Никто, кроме нас, суши, – говорит она одновременно кисло и совсем безвинно. Глынис – уникам.

* * *

Я сообщаю Голубе, что мы пробудем Глубоко Внизу по крайней мере два Ю-дня – нас одолжат ВнеКомму. Население внешней части системы, особенно вокруг Сатурна, за последнюю пару Ю-лет удвоилось и, вероятно, удвоится снова даже за меньший срок. Сеть гражданской коммуникации действует ниже плоскости эклиптики и узкопрофильна по самое не могу: никаких правительств и армий, только мелкий бизнес, развлечения и социальное взаимодействие. То есть – пока узкопрофильна, потому что никто не в состоянии прибрать ее к рукам.

ВнеКомм – проект Ледяных Гигантов, изначально обслуживавший только системы Сатурна, Урана и Нептуна. Кажется, никто не знает, где у них штаб-квартира – то бишь на какой луне. Думаю, даже если они начинали где-то близ Урана, сейчас контора должна быть на Титане, раз уж она решила расползтись аж до Юпитера.

По-любому технологии у них – с ума сойти. Покамест «Здрасте» проделывает путь от Большого Ю до Сатурна минут за сорок, и еще через сорок ты слышишь: «Кто это, мать вашу?» – но шума в сети меньше, чем при местном звонке в ЮПопе. ЮПоп как-то не обрадовался, когда вся развлечения начала мигрировать на ВнеКомм, все тогда изрядно напряглись. Потом пауки договорились: ВнеКомм хапает всю развлечения и не лезет в образование, по крайней мере в Юп-системе. Сейчас типа все хорошо, ЮПоп дает им займы все, что надо, как старый крупный сосед-друган, но в любую минуту могут начаться неприятности. Причем *всяко-разные*.

Юп-система – на границе между внутренними и внешними планетами. Одни наши правительства старались закорешиться с внутренними, другие подкатывали к внешним. Нынешняя власть добивается для Большого Ю официального статуса внешнего мира, что круче, чем просто «союзник внешних». Сатурн против – им там кажется, что Большой Ю вынашивает захватнические планы и строит империю.

Примерно это же твердили Марс и Земля, когда последнее правительство пыталось получить статус внутреннего. Причем Земля выражалась поцветистее. Нашлись двоеходики, вопившие о том, что чудовища и выродки – то есть мы – сговорились наложить нечестивые конечности на свежее мясо, дабы удовлетворить свой нечестивый аппетит. Если Большой Ю получит статус внутренней планеты, говорили они, людей будут окружать прямо на улицах и переправлять сюда-к-нам, чтобы делать из них противоестественных безвольных недолжков. И только самых красивых женщин станут держать как есть на цепи в борделях, где – ну вы поняли.

Этого достало бы, чтобы я голосовала за внешних, но только Большой Ю на деле – не внутренний и не внешний. Я это вижу так: есть внутренние планеты, есть внешние и есть мы. Двоеходикам такая логика недоступна – они-то мыслят бинарно.

* * *

Пока мы впахивали на комм-станции, на задворках моей башки вспыхивали самые разные мысли, но все как одна досужие. Думала я и о Рыбехе, о том, как она там – и какую форму примет при следующей нашей встрече. Узнаю ли я нашу дуреху?

Ну да, звучит глуповато: вы же вряд ли узнаете кого-то, кого никогда не видели, даже если напряжетесь и вознамеритесь. Весь фокус в этой самой духовности. Мне представилось, что врываюсь я в комнату, забитую суши, самыми разными, и Рыбеха среди них, – и я точно буду знать, что она там. А если дать мне чуток времени, я найду ее без всяких намеков и указаний.

Конечно, я была влюблена в Рыбеху-двоеходицу. Теперь, когда она стала суши, я задумалась: полюблю я ее или нет? Непонятно было даже, нравится ли мне такой поворот. Обычно я подхожу к этому делу просто: секс – и только с теми, кто мне нравится. Выходит легче некуда. А вот *влюблена* все усложняет. Помышляешь о партнерстве и семье. А ничего легкого тут нет, мы ведь не размножаемся. У нас есть суши-новички и суши-свежаки, но нет маленьких сушат.

Пока что мы работаем над тем, как здесь-у-нас выжить, но так будет не всегда. Я смогу прожить достаточно долго, чтобы увидеть будущее. Блин, ведь еще жива парочка ИПов, хотя я их никогда и не видела. Они все там, на Ледяных Гигантах.

* * *

Мы прибываем домой за полдецы до первой встречи с Океке-Хайтауэр, и кажется, что у нас куча времени, однако близость встречи здорово меня нервирует. Полеты здесь-у-нас небезопасны, даже если летишь в супер-шмупер-жестянке ЮпОпа. Я эти жестянки и так терпеть ненавижу. Если найдутся чуваки, которые придумают желейки для дальних перелетов, я стану им лучшим другом до гроба. Но и в жестянке мы трижды стучимся в оазисы для дозаправки. Полетный план гарантирует нам гамак в каждом оазисе, однако только если все идет по плану. А припоздниться можно по тысяче дерьмопричин. Если гамаки свободны, мы их получаем. Если нет, надо ждать и надеяться, что пока нам есть чем дышать.

Наживчик заранее разработал план, чтобы получились щедрые окошки ОВП. Но вы же знаете, как это бывает, – ровно когда тебе надо, чтобы план работал как часы, все то, что пока держалось в рамках, вдруг решает наверстать упущенное. Я нервничала по дороге туда, пока пахала, и по дороге обратно. Последнюю ночь перед прибытием мне снилось, что за минуту до нашего возвращения в пространство ЮпОпа Ио взрывается на хрен и разносит полрадиана. Мы пытаемся понять, что происходит, и тут что-то отпинывает жестянку в мертвую спираль с центром прямо посередине Большого Розового. Проснулась я, когда Тетя Шови и Бульбуль отдирали меня со стены, – ужас как было перед ними неудобно. После такого я мечтала лишь об одном – скорее попасть домой, скользнуть в желейку и увидеть, как Океке-Хайтауэр врезается в Большой Ю.

На сей раз комета прибывает кусками. Местные сети все в кометных ньюзах, гоняют их без перерыва, будто ни в Солнечной системе, ни вообще во Вселенной ничего больше и нет. Эксперты вещают о том, что гостя проследует маршрутом древней кометы Шумейкера-Леви, и не прекращается болтология на тему, что же это значит. Есть те, кто уверен, что это не совпадение: Океке-Хайтауэр на самом деле – некое послание от разумных обитателей облака Оорта или совсем уже дальних стебелей, и надо не давать ей врезаться в Большой Ю, а поймать за хвост, ну или хотя бы собрать ее куски.

Такое, кстати, могли и проверить. ЮпОп объявил бесполетный режим: желейкам – да, жестянкам – нет. Шире-Глюк предполагает, что ЮпОп готовит секретную миссию с целью захвата фрагментов, но это смешно. То есть – не считая того, что любая способная на это дело жестянка будет видна как на присоске, надо бы учесть, что комета профинтировала во фрагментарном состоянии больше полудюжины квадродецей. На некоторых участках траектории отхватить у нее кусочек было куда проще, однако эксперты все как один бубнили: если верить сканам, нет внутри кометы ничего такого, что окупало бы потраченные на эту миссию деньжищи. Забавно, что многие об этом забыли; внезапно все стали говорить о если-бы-да-кабы, словно жалели об упущенной покупке. Впрочем, я не люблю трепаться о политике.

Оставляю сообщение для Голубы, мол, так и так, мы вернулись и готовы к шоу. Обратного приходит автоответ: Голуба не в конторе, среагирует, как только, так сразу. Может, она возится с Рыбехой – ту наверняка обуяла кометная лихорадка, как и нас всех, но хуже, ведь большой бадабум совпадет со стартом ее новой жизни. Если Рыбеха еще в больнице, надеюсь, у них там найдется достойный события экран.

Мы все хотим посмотреть на встречу невооруженными глазами. Ладно, невооруженными глазами в телескопы. Глынис волочит экран для всех, кто желает реально близкого обзора. Если учесть, что бадабум займет от начала и до конца около часа, может, это не столь уж скверная идея. Хоть зрение побережем.

Когда первый фрагмент врежется в Большой Ю, я ловлю себя на мысли о сенсорах, упавших в атмосферу. Они давным-давно сплыли, а если и нет, снять с них инфу мы не сможем. Там только и будет, что шум сплошняком.

После получаса взрывов правительство шлет на все коммы запись извещения, а точнее, приказа: объявлено военное положение, все по домам. Кто останется, того сотрут в порошок.

Значит, последние встречи мы пропустим, что огорчает нас до невозможности, хотя все согласны с тем, что умирать ради эдакого зрелища совсем не стоит. Добравшись до дома, мы обнаруживаем, что нам отказано даже в повторном показе, и изумляемся. Потом раздражаемся гневными тирадами. Правительству многое придется нам объяснить, и на будущих выборах Большое Розовое покажется им с овчинку, и когда это ЮпОп успел стать лакеем администрации? В ньюзах пустота – то есть реально *ничего*, кроме технических повторов. Словно мы застряли во времени два Ю-дня назад, а того, что было прямо сейчас, не было никогда.

– Лады, – говорит Фред, – что там на ВнеКомме?

– Хочешь позирить мыльнооперу? – кипит Дюбонне. – Действительно, почему бы и нет?

Мы глядим в меню, когда появляется кое-что новенькое – под названием «Особая Прощальная Соледад-и-Гвюдмюндсдоттир». Отталкиваясь от имени, я решаю, что мы увидим Рыбеху в ее прежней, двоеходной инкарнации, но на экране показывается наutilus помпилиус.

– Всем привет. Как вам новая я? – говорит Рыбеха.

– Она что, собралась на юрфак? – шокируется Тетя Шови.

– Жаль, что я прощаюсь с вами в записи, – вы все такие классные, – продолжает Рыбеха, и я сплетаю руки узлами, чтобы не вырубить экран ко всем чертям. Судя по тону Рыбехи, ничем хорошим это не кончится. – Я знала, что подамся в суши, еще до того, как прибыла сюда-к-нам. Просто не могла выбрать форму. Из-за вас, ребята, я всерьез задумалась насчет осьминожки – у вас такая крутая жизнь, и делаете вы по-настоящему важное дело. Будущие поколения... ну, здесь-у-нас будет просто чудесно. Жизнь, приспособленная к космосу. Кто знает, может, однажды юпитские граждане станут менять тела, как двоеходики меняют одежду. Бывает всяко-разно... Но я, как масса двоеходиков, нетерпелива. Знаю, я уже не двоеходик, и жить буду теперь очень долго, и нетерпеливость мне не идет. Но такой уж я

уродилась. Хотела поучаствовать в следующем шаге – *большом* шаге – прямо сейчас. И я абсолютно уверена, что нашла то, что искала, – Юпитерианскую колонию...

– Юпитерианская колония? Да они маньяки! Самоубийцы! – Глынис врезается в потолок, перекачивается к стене и стекает обратно.

Рыбеха разворачивает щупальца и помавает ими в воздухе.

– Если кто что орал, спокуха, – говорит она довольно. – Я сконтактилась с ними до того, как скомандилась с вами. Я знала, что они планируют. О времени мне ничего не сказали, но и ежу понятно, что встреча с Океке-Хайтауэр подходит нам всем идеально. Мы собрали несколько желееек, заглушили их и сховали в брехопетли. Не знаю, что будет дальше и как мы прибудем к комете, – я не астрофизик. Но, если все получится, мы заседем облака собой. Мы все – наутилусы помпилиусы. Это лучшая форма для запаковки кучи инфы. Мы внесли малюсенькое изменение: соединились панцирь к панцирю, чтобы иметь доступ к инфе друг друга. С личным пространством у нас туговато, но мы и не хотим удалиться в изгнание отдельными отшельниками. На верхних уровнях должны плавать сколько-то сенсоров – у колонии есть союзники, которые тайком подбросили нам всяко-прочее. При помощи этих штуквин мы создадим колонию на облаках. Мы пока не знаем, получится у нас или нет. Может, притяжение разнесет нас в щепки. Но, если мы продержимся в полете столько времени, чтобы желейки превратились в парашюты, – инженеры все рассчитали, а я в технике ни бум-бум, – мы сообразим, как нам не просто выжить, но и процвести. Жаль, я не смогу вам о чем-либо рассказать, пока мы не решим проблему интерференции. В этом я тоже ни бум-бум, но, если продержусь, стану крутым спецом. Голуба говорит, что вы все Глубоко Внизу – вас одолжили ВнеКомму. Я пошлю вам сообщение так, чтобы оно облетело Ледяные Гиганты и только потом добралось по адресу, и, если повезет, вы увидите его вскоре после того, как мы войдем в атмосферу. Надеюсь, никто на меня не обиделся. Или, по крайней мере, не затаит обиды. Нет ничего невозможного в том, чтобы спустя время встретиться вновь. И я хотела бы, чтобы мы оставались друзьями. Особенно если движение за независимость Юпитера отор...

Она смеется:

– Я хотела сказать «оторвется от земли». Если движение за независимость Юпитера когда-нибудь достигнет стабильной орбиты... или чего-то такого. Думаю, это классная идея. Так или иначе, сейчас я скажу «прощайте». И, да, Аркея...

Ее щупальца змеются как могут.

– Я и не знала, что червячины такие классные.

* * *

Мы видели сообщение один раз, потом центр связи его вырубил. Нас всех долго спрашивали федералы. Неудивительно. И федералами Большого Ю дело не ограничилось – ниоткуда вынырнули федералы Грязюки – одни лично, другие дистанционно, через коммы, срощенные с моба. Последнее – жуткая трата денег, если только вы не рассчитываете на очень медленный разговор. Даже федерал на Марсе не может действовать со скоростью света – между вопросом и ответом проходит по меньшей мере час, обычно больше.

Грязючные федералы, присутствовавшие лично, все работали под прикрытием, присматривали за ситуацией и отчитывались о том, что видели и слышали, перед штаб-квартирой в Грязюке. Большинству здесь-у-нас, даже двоеходикам, это не понравилось. Последовал всамделишный правительственный кризис, главным образом, потому, что чиновники путались в показаниях. Одни уверяли, что ничегошеньки не знали о грязючных шпионах, другие доказывали, что это все ради нашего блага, иначе мы бы лишились кое-каких прав –

не спрашивайте, каких именно, они не сказали. Теории заговора разрастались быстрее, чем их успевали записывать.

Наконец, правящий совет ушел в отставку; действующий совет, заменивший его до выборов, состоит почти из одних суши. Такое у нас впервые.

До выборов еще полторы децы. ЮпОп обычно поддерживает двоеходиков, но на этот раз политрекламы для двуногих заметно меньше. Думаю, даже ЮпОп способен определить по точкам траекторию полета.

Многие суши уже празднуют победу и говорят, что власть в Юп-системе поменялась. Я торжествовать как-то не готова. На деле я за нас изрядно беспокоюсь. Мы рождены, чтобы быть суши, но не рождены суши. Все мы начинали как двоеходики, и, хотя нам удалось стряхнуть бинарное мышление, это не значит еще, что мы всецело просветлились. Уже идут разговоры о том, что среди кандидатов многовато наutilusов помпилиусов – и что осьминожек, или иглобрюхов, или крабов должно быть больше. Мне это блабла не нравится, но сбегать в Юпитерианскую колонию поздновато. Не то чтобы я так уж хотела. Даже если Рыбеха и ее дружки-колонисты выжили и процветают, я не готова менять свою жизнь на целый новый мир. Надо просто подождать и посмотреть, что будет.

Эй, я же сказала, что не люблю трепаться о политике.

Элизабет Бир В глубинах неба

Маленький скиф Бурегона подпрыгнул и заскользил по тропопаузе, опираясь на плотные слои теплого облачного моря и обгоняя свирепый ветер. Корпус скифа был широким и плоским, с дополнительными буйками-понтами – все приспособлено для плавания по густой мутной атмосфере. Бурегон поднял паруса высоко в стратосферу, и добрые ветры погнали скиф вперед, против течения темного пояса.

Впереди высилась багровая стена Глубокой Бури, вырастающей из клочьев белого тумана – щелочных облаков, взбитых в глубине смертоносной слоистой атмосферы. Глубокая Буря протянулась от горизонта до горизонта, ее края скрывались в дымке. В сравнении с протяженностью высота ее казалась незначительной, хотя уходила в стратосферу, где вихри срывали верхушки аммиачных кучевых облаков, пробивших тропо-паузу.

Буря светилась жаром глубин, на ее фоне выглядели холодными силуэты других скифов. В приемнике Бурегона звенели голоса. Он наклонился поближе, коротко приветствовал коллег. Соперников. За многими из них такая же длинная линия предков-добытчиков, как за ним, во многих накоплены не меньшие запасы знания.

Но Бурегон твердо решил, что, дополнив накопленное собственным искусством и опытом, станет лучшим из небесных добытчиков.

Позади и выше проглядывало заманчиво ясное индиго чистого неба, испещренного яркими звездами. Сейчас в нем виднелось не больше дюжины лун. Крошечный источник мира освещал их полумесяцы так ярко, что свет затмевал соседние звезды. От зноя небо тоже светилось, далекая термосфера переливалась сиянием. Грудную клетку Бурегона теснили чувства – он созерцал изящные балдахины дрейфующих миров, медлительными витками восходящих над теплой стеной Глубокой Бури. Солнце придавало яркость их окраске, но изнутри они были прохладно-темными.

Зря он смотрел, зря дал волю надежде. Но вот – туманная вдали, за дочерьми и сестрами, раскинув переливающийся золотым и лиловым балдахин, восходит Матерь Могил. Издалека и снизу Бурегон не мог различить оживленную экосистему, которую та несла на спине, высоко над многоцветными облаками, под питающим ее светом солнца. Он видел только переливы сока, каплющего с корневой сети покровных деревьев, что окутывала бока Матери, вылавливая из атмосферы живительный аммиак и перекачивая его в пухлые листья и твердые питательные плоды.

Бурегон вскинул к ней лицо, глаза его дрожали тоской. Крылья за спиной загудели. Ничто не сравнится с болью разделения с матерью, и нет страсти большей, чем жажда вернуться к ней. Но надо быть стойким. Надо сойтись с Глубокой Бурей и собрать с нее урожай – быть может, тогда он удостоится возвращения. Он был поставщиком одного из молодых дрейфующих миров... но те не могли обеспечить своим детям безопасности и стабильности, которую дает место на величайшей и старейшей из матерей.

В жарких глубинах неба, слишком высоко даже для матерей с колониями-симбионтами, слишком низко даже для самых отважных и ловких братьев-бурегонов, жили иные существа. В вышине – летуны и планеры, кто с крыльями, кто с поплавами, – и просто хрупкие твари, неспособные выдержать даже умеренного холода и давления тропопаузы. Много ниже, в гуще аммиака, обитали пловцы, не знавшие света солнц и звезд. Они наделены только термальным зрением, переносят высокое давление, жестокий зной, потоки раскаленной воды и даже кислорода – газа настолько активного, что он способен *поджечь* дыха-

ние. Такая среда раздавила бы Бурегона в лепешку, растворила бы мембраны его нежных крыльев, насквозь прожгла бы жабры.

Народ Бурегонов был создан для мягкого климата – для чистых небес и густой податливой атмосферы тропопаузы, где процветает все живое, а небеса полны пищи. Но даже здесь, в умеренной зоне небес, чтобы выжить, приходилось рисковать. Кое-что можно добыть лишь в Глубокой Буре, которая сквозь многие слои атмосферы выкачивает полезные вещества на доступную высоту.

Вот почему Бурегон плыл прямо в ее надвигающиеся крылья. Один манипулятор – на управлении скифа, другой наблюдает за съезжившимся в предвкушении парусом, вознесенным ввысь. Летуны обогнут такелаж – моноволоконное кружево, нарочно сплетенное так, чтобы иметь хорошую отражающую способность и быть осязаемым издалека. Но вот громадные полупрозрачные дрейфующие миры не так ловки. Мать, вероятно, переживет столкновение с парусом, отделается несколькими шрамами и легким повреждением экосистемы летающего острова – и скиф, скорее всего, не развалится после такой аварии. Но если добытчик опутает Мать волоконными нитями из того же вещества, что удерживает огромные балдахины дрейфующий миров... страшно подумать! Вот почему эти нити так ярко раскрашены – чтобы их замечали издалека.

Если Бурегон лишится скифа, его ждет долгий полет к дому и, возможно, временное подчинение другому добытчику – пока он не заработает на новый скиф, чтобы еще раз показать себя. Но повреждение матери – даже малой, из летающих низко, – навсегда покончит с надеждой послужить когда-нибудь Матери Могил. Поэтому Бурегон бдительно следил за такелажем и небесами над ним. И – конечно же – за бурей.

Он уже чуял Глубокую Бурю – сырой ржавый запах воды щипал жабры. А сочная окраска штормовых валов предвещала немалую добычу. Темно-красная стена бурлила, помечая ближайшие к ней клетки атмосферы редкими элементами и извлеченными из глубин веществами. Скоро Бурегону надевать защитный костюм, закрывать скиф и браться за рискованное – в такой близости от стены – дело: втягивать парус. Постоянные ветра вокруг Глубокой Бури разбивались на течения, огибали башни облаков. Самое опасное – воздушные потоки. Здесь они еще страшнее, чем на границе умеренной и субтропической зоны мира, где трутся и ерошатся друг о друга две встречные полосы ветров.

А Бурегону придется их миновать.

Убрав парус, он на двигателе подойдет ближе – к тем прохладным силуэтам, что маячат впереди, – и начнет добычу. И стена его не отпугнет. Тому, кто надеется заслужить место на Матери Могил, бояться не пристало.

Он устремится в самую стену Бури. Опыт у него есть – есть и знания предков. Наградой отважному станут фосфаты, силикаты, органика. И железо. Твердое вещество, идущее на технику вроде этого скифа. И благородные газы. И падунки – крошечные создания, чьи короткие жизни клокотала в вихрях Бури, чьи тела полны ценных питательных веществ и труднодоступных микроэлементов для неоперившейся молодежи, подрастающей в корнях, листве и органических наносах экосистем дрейфующих миров.

Глубокая Буря – плодоносное, хоть и смертоносное поле. Этими сокровищами он купит себе место на Матери Могил.

Бурегон принял текущую сводку погоды и прогноз. Настроился на пульсосветовое вещание скифов, уже работающих на сборе урожая, и стал готовиться. В Глубоких Бурях хорошо то, что они необычайно стабильны, и новая сводка дала мало такого, чего бы Бурегон не предвидел заранее. И все же подготовка к первой фильтрации всегда отзывалась нервным трепетом. Зайдешь чуть дальше, и... что ж, все знают или помнят о неосторожных, которых вихрь засосал в свои объятия. Даже если расплавленная вода не сорвет плоть с панциря,

то конвекционные потоки быстро затянут в багровые глубины атмосферы и там расплавят, сокрушат, разорвут. Для небесного добытчика не бывает излишних предосторожностей.

Тщательная проверка показала, что все капсулы целы. За скифом, болтаясь и сталкиваясь, тянулся длинный хвост грузовых капсул. Пустые служили поплавками и тянули скиф кверху, вынуждая постоянно подправлять курс. Он бросил небесный якорь, выставил маячок заявки над запасными капсулами, одну магнитным когтем заправил в трюм скифа и развернул суденышко навстречу буре. Сифоны сжались, ощущая толчки атмосферы. Бурегон быстро, но осторожно вошел в наружный слой турбулентности. Безопаснее было бы, прежде чем нырять в самую бурю, уравнивать свою скорость со скоростью ветра, но для этого у скифа не хватало мощности. Зато конструкция позволяла ловить ветер и разворачиваться в нем так, чтобы сила урагана стабилизировала корпус, вместо того чтобы швырять и вертеть, как сброшенное летуном яйцо.

Бурегон подтянул предохранительные ремни, направил скиф вдоль стены облаков, сдул и сбросил понтоны, снизив плавучесть корабля, но увеличив обтекаемость. Удерживая в себе надежду – Мать Могил учила, что намерение влияет на результат, – Бурегон глубоко вздохнул, ощутил в дыхалах привкус метана и ввел суденышко в бурю.

В скиф потоком ударил ветер. Наученные долгим опытом манипуляторы Бурегона остались лежать на управлении, даже не напрягаясь. Кожей ощущая вибрацию, он вел корабль ровно – мягко-мягко, не пережимая, но и не уступая ярости шторма. При переходе скиф на миг клюнул носом – Бурегон удержал и выровнял его, направив против ветрового течения. Скиф вздрогнул – он казался сейчас живым, как прогретая солнцем шкура Матери, на чьей широкой спине рос Бурегон, – и пошел ровно. Ловец ориентировался только по тепловому зрению. Здесь, в густом вихре облачной стены, в порты окон видны были только отблески внутренних огней суденышка, отражающиеся от монотонного багрянца тучи – словно они с корабликом забились дядюшке под крыло.

Мирное сравнение для бури, которая может убить одним движением. Стоит углубиться слишком далеко – и ветры разорвут крошечную лодку. Подойди слишком близко к стене – и турбулентность лишит управления, запустит кубарем.

Когда скиф наконец безмятежно поплыл среди бесконечных воронок, Бурегон открыл сифоны. И ощутил, как тяжелеет наполненный ветром трюм, как судно обретает остойчивость. Включились фильтры, капсула начала наполняться.

Времени ушло немного: шторм накачал богатую смесь. Когда давление в капсуле достигло нужного уровня, Бурегон герметично запечатал ее и, удерживая курс против яростного ветра, проверил, послушен ли ему нагруженный скиф. Тот стал тяжелее, медлительней – но повиновался как должно.

Бурегон вывел лодку из красновато-серого тумана под ясное черное небо. На выходе задел концом крыла маленький вихрь, который раскрутил судно в горизонтальной плоскости, словно выплюнутое в тропопаузу семя. Другие суда рассыпались от него роем новорожденных тучекатов, когда на них спикирует летун. От креплений на мягкой плоти суставов останутся синяки. Бурегон восстановил контроль и плавным виражом развернул скиф. В приемнике вопили голоса других добытчиков – хор одобрения и подначек.

Вот и его маячок. Ради экономии энергии он на время смены капсул прицепил и поддул понтоны.

И снова повернул в бурю, и снова возвратился, чтобы повторить все заново.

Бурегон уже наполнил все капсулы и проверял боковые швы скифа, как полагалось перед открытием трюма, когда на краю бури мелькнул пятнышко – остроносое и такое горячее, что больно смотреть...

Он перебрался к телескопу. Пятнышко тем временем падало в Глубокую Бурю. Поймав его в видоискатель, добытчик двумя глазами припал к объективам и увидел... что-то черное и гладкое. Форму в подробностях разглядеть не удавалось. Автофокус дал слишком сильное приближение, и Бурегон, пока объект скользил к кромке Глубокой Бури, подправил его вручную.

Больше летуна – даже больше народа. К тому же, будь у чужака хоть кроха разума, он не полез бы так близко к кляксе водяного пара без защитного снаряжения. Но на вид он немного напоминал летуна – закругленное обтекаемое крыло с острым носом. Впрочем, крылья не трепетали при спуске, широко лежали на воздушной подушке, пробираясь сквозь толпу дрейфующих миров.

Ничего подобного Бурегон еще не видел.

Брюхо красное от жара, стоит ему соприкоснуться с кислородом – вспыхнет, но, когда объект лег набок, Бергон разглядел, что спина у него холодная, черная даже на тепловатом фоне далекого неба. Эта стылая тьма была такой яркой, что казалось, ее окаймляет светлая полоска, – но это просто от контраста с просачивающимся теплом термосферы. Бурегон всегда интересовался ксенофизикой. Крылья у него свернулись в трубочку от изумления – он сообразил, что брюхо чужака могло накалиться от трения при входе в атмосферу, а холод верхней части объяснялся похищающим дыхание морозом высокого неба.

Неужели это корабль, а не животное? Что-то вроде... скифа?

Пришелец?

Вокруг незнакомца плясали молнии – ловили и поглаживали, как кормящая лоза Матери ловит Супруга, – и он словно бился в ловушке: на черной шкуре выросли оборки мерцающих разрядов и золотых сполохов. Ветер от его движения подсвечивал краешки крыльев, поток пара сворачивался завитками по следу.

У Бурегона перехватило дыхание. На твердой шкуре объекта конденсировался дождь неона и гелия. Газы, заряженные молниями, сверкали в вихре над облаками.

Теми глазами, что не были заняты телескопом, он видел, как протягивалась по багрянцу облачной стены светящаяся ниточка красного золота. Ниже, на тропопаузной границе бури, группировались и оттягивались назад другие добытчики. Они тоже заметили странное явление, а разумный небесный ловец не приблизится к Буре, когда та вытворяет что-то непонятное.

Молнии вечным венцом висели над верхней границей Бури, и, каковы бы ни были цели того объекта или существа, шторм стремился дотянуться до него, приласкать. А объект играл со стеной Бури, прошивая ее словно иголкой, и словно не замечал ни смертоносной завесы водяных паров, ни свирепства разрядов.

Бурегон работал на скифе – ценная, престижная работа, которой он надеялся заслужить одобрение Матери, – всю свою жизнь слетка. Он видел, как падают скифы, видел отважных спасателей, видел, как ловцов вытаскивают из безнадежных ситуаций, – и видел, как не успевают вытащить. Он навидался лихачей – и других, настолько умелых, что выглядели лихачами.

Но впервые видел, чтобы с Бурей играли вот так.

Это не могло продолжаться долго.

То ли боковой ветер, то ли воронка или просто турбулентность – Бурегон так и не разобрал. Но вот – только что черный объект, увлекая за собой хвост благородных газов, прошивал бока Бури – и вот он, кувыряясь, падает вниз, как проигравший в брачной схватке летун. Бурегон оторвался от телескопа. Пришелец, выходя на плоскую снижающуюся спираль, похожую на витки древесного щупальца, двигался к нему.

Он напоминал летуна. Ни понтонов, ни широкого корпуса, способствующего большей плавучести на градиенте давлений тропопаузы. Он не удержится, провалится ниже.

Бурегон стиснул рычаги скифа манипуляторами. К счастью, неизвестный объект проваливался в границах термы на фронте бури, поодаль от дрейфующих миров. Картина резала глаз: Матери, лениво подставляющие многоцветные бока солнцу, – и летящий к гибели в аду глубоких небес объект, увлекающий за собой потоки неоновое сияния.

Разумеется, ошибочно проецировать опыт народа на нечто к нему не принадлежащее, – но Бурегон не удержался. Если этот объект – скиф, если пришельцы подобны народу, они сейчас наверняка сражаются с управлением. И Бурегона переполняла, разрывала на части жалость.

Он никогда таких не видел и не желал им смерти.

Разве смерть неизбежна?

Падать им далеко, и они попытаются замедлить падение. Телескоп – все еще следящий за чужаками – плавно поворачивался на опоре. Рассчитать траекторию падения несложно. Другие уже рассчитывают – чтобы избежать столкновения. Бурегон...

Бурегон подтянулся к штурманскому пульта, загрузил телеметрию с других скифов и их расчеты траектории объекта – и ввел собственный курс. Падение объекта замедлялось – но недостаточно быстро, – а он находился достаточно близко, чтобы перехватить падающего.

Он вспомнил о Матери Могил. Вспомнил о дорогом грузе, которым надеялся заплатить за прием.

Стиснул жабры и запустил двигатели, ринувшись наперерез чужаку.

Помогло то, что объект снижался по широкой спирали. Можно было пропустить один круг – будут другие возможности, хотя и не слишком много. Хорошо, что чужаку далеко падать. Всего-то и надо: зайти снизу и спереди, а компьютер, телескоп и пушка доделают остальное.

Вот оно! Он не додумал мысли – механика скифа уже приняла решение. Грохнула парусная пушка – первый парус ярким полотнищем рванулся к стратосфере. Бурегон одним глазом и манипуляторами проверил крепления ремней, понимая, впрочем, что поздно спохватился. Остальные три глаза следили за чужаком и дугой вздымающегося паруса.

Тот достиг верхней точки – низко, гораздо ниже, чем положено. Расправился во всю огромную ширь. Он всегда был исполинским, но Бурегон чуть ли не впервые видел парус так близко.

Он изготовился, занес один манипулятор над кнопкой сброса давления в грузовых капсулах, тянувшихся за ним длинным бьющимся хвостом. Объект падал в парус. Долгий миг Бурегон видел, как яркий парус сплетением алого и лилового вытягивался кометным хвостом, обвиваясь вокруг пойманного. Он смотрел, как удерживают добычу паутинные нити такелажа, растягивающиеся во всю длину. Рывок отбросил Бурегона на ремни крепления. Он ощутил дрожь корпуса своего скифа. Моторы вытравливали тросы, позволяя падающему объекту натянуть линии, как отпускают взявшего наживку летуна. Спираль падения превращалась в протяженную дугу маятника, и Бурегону оставалось только надеяться, что у чужаков хватит ума не сопротивляться. Такелаж с парусом натянулись, зазвенели.

Держитесь! Матерь Могил свивает паруса из собственной паутины, из той же материи, что балдахины над ней. Нет на свете волокна крепче.

Но тут объект миновал тропопаузу, расплескал море аммиачных облаков и пошел ниже. Скиф повело следом. Бурегон ощутил раскатившийся по корпусу тяжелый треск – отвалился понтон. Ремни больше не натягивались, тело плавало свободно – падение упразднило силу тяжести. Он с усилием опустил манипулятор. Чем глубже уведет его объект, тем горячее, плотнее – и токсичнее – станет атмосфера. А на герметичность скифа после такого удара надеяться не стоит. Он опустошил и закачал гелием первую грузовую капсулу.

Как только она надулась, скиф снова вздрогнул. Теперь капсула превратилась в легкий гелиевый буй и рвалась вверх, замедляя падение Бурегона – и падение обернутого в парус

чужака. Они все еще погружались, но импровизированный поплавок тянул в другую сторону.

Буксирный трос капсулы дрогнул и зловеще зазвенел. Слабое место плана – не было уверенности, что привязь выдержит.

Но пока держала.

Давление снаружи нарастало. Опасности пока не было, но указатель полз вверх. Прикипев взглядом к шкале, Бурегон запустил вторую капсулу. Рывок в этот раз оказался мягче, очевидно, скиф терял скорость. Следующий вопрос – хватит ли у него капсул, чтобы остановить падение – и поднять скиф вместе с объектом в сети обратно в тропопаузу.

Приемник вопил на него – коллеги посылали вызовы и организовывали спасательную партию.

– Не вытаскивайте, – отозвался он, – я сам рискнул.

Еще одна капсула. И еще одна – кабель слабо вздрагивает, и падение снова чуть-чуть замедляется.

Мать Могил, подумал он, и вправду получается!

Когда скиф выскочил в тропопаузу и беспомощно заболтался под дюжиной легких капсул, Бурегона ошеломил восторженный хор в приемнике. И новый взрыв восторга, когда он вытянул из облачного моря сеть с завернутым в него объектом.

Понтонов у Бурегона не осталось, главный парус не работал. Пустые капсулы давали плавучесть, но не позволяли маневрировать – по правде сказать, скиф болтался под ними, накренившись на борт и свесив вниз острый нос. Избитое тело ныло, Бурегон повис на ремнях, соображая, как отпустить крепления и высвободиться.

Он сам не понимал, как уцелел – и уцелел ли. Может, это последняя фантазия гибнущего разума...

Приемник заблеял ему в лицо.

Бурегон дернулся и застонал. Приемник проблеял еще раз.

Это были не слова, а невнятный звук, утонувший в хоре других добытчиков, спешно решающих, не пора ли спасти потерпевшего крушение. Надо было собрать разбегающиеся мысли, сказать им, чтобы отвалили подальше. А Бурегон, завибрировав мембранами, выдавил хрип, еле слышный даже ему самому:

– Кто это? Чего хочешь?

Снова блеяние, чуть иного тона.

– Ты чужак? Я тебя не понимаю.

Преодолевая боль в манипуляторе, Бурегон сумел отстегнуть крепления и выпал из ремней жестче, чем рассчитывал, – не удержался на опоре. Ударившись панцирем в носовую переборку, невнятно охнул.

– Говори Речью, – рявкнул он в передатчик, подбирая конечности. – Не понимаю!

Он просто выплескивал раздражение. Знай они Речь, не были бы чужаками. И все же Бурегон не сдержал облегченного вздоха, когда блеяние в приемнике сменилось желанным низким голосом.

– Крепись, Бурегон, – сказала Мать Могил. – Скоро все уладится.

Он двумя глазами припал к порту. Облака кругом сияли в солнечном свете, и на них, словно при затмении, напознала тень.

Огромная, долгожданная тень Матери Могил, спускающейся к нему с неба.

Она шла к ним. К нему!

Дрейфующему миру нелегко так сильно снизиться. А уж для такого большого, как Матерь Могил, это великое предприятие, и дается оно не быстро. И все же она спускалась, окруженная свитой своих летунов и молодых матерей – крошечных теней, шныряющих за ее спинами. Любая из них легко подобралась бы к Бурегону, но, стоило им вырваться вперед, Матерь Могил изящным плавным жестом отгоняла их обратно.

Бурегон коротал время, поддерживая парус с незнакомым объектом. Тот был тяжелым, никакой плавучести. Вероятно, пронизал атмосферу, влекомый собственной тяжестью, как стрела или летун, – и удерживался в плоскости только за счет скорости полета. Бурегону не терпелось выпутать объект из сети, но тогда чужак сразу бы утонул, как проколотый скиф.

Бурегон, чтобы отвлечься, оценивал повреждения скифа (катастрофические) и наугад отвечал блянию из приемника, не оставляя, впрочем, попыток разобрать, что оно значит. Чужак явно обладал технологической культурой – возможно, и сам был плодом технологии, или же его прочная кожа была подобием скифа – судном, созданным для проникновения во враждебную среду.

Может, пришелец тоже искал в Буре полезные элементы и пищу?

Любопытно, чем питаются чужаки? И чем дышат? Возможно ли обучить их Речи? – гадал Бурегон.

С каждым разом, как он поглядывал вверх, киль матери оказывался все ниже. Наконец ее щупальца занавесили горизонт, а выгнув шею, Бурегон различил двойной ряд супругов, присосавшихся к ее брюшинам как дополнительные брюшные щупальца. Десятки супругов. Старейшие уже утратили изначальную форму и выглядели просто гладкими пупырышками на плоти Матери Могил. В новых еще можно было различить индивидуальность.

На животах малых матерей, сопровождавших ее, тоже болтались супруги, но их оказалось намного меньше... да и сами матери, даже самые большие, были на треть меньше ее.

От горького разочарования Бурегон скорчился в своем панцире. Еще бы немного! Он был так близок. А теперь ему нечего предъявить, кроме разбитого скифа и блеющего пришельца. Теперь все начинай заново...

Можно было бы попросить Матерь Могил передать его приданое меньшей матери. Он вполне достоин внимания любой из ее сестер или дочерей.

Однако никто из них – не она.

Оставалось надеяться, что Бурегон не прогневил ее, пожертвовав добычей ради спасения пришельца. Этого бы он не перенес. Хотя, если она решит возместить потерю ценой его трупа, он, по крайней мере, умрет не даром... и быстро.

Приемник снова заквакал. В голосе чужака послышалось что-то знакомое – должно быть, Бурегон понемногу привыкал.

Несколько щупалец Матери Могил коснулись его – долгожданное, желанное прикосновение. Какая горькая ирония – и все же наслаждение от этой ласки позволило вынести горечь. Он приготовился встретить боль, паралич – но она отвела жало. Болели только синяки, натертые ремнями и набитые ударом о переборку.

Теперь он напрямую слышал ее голос. Тот наполнял воздух кабины и вибрировал в пустотах панциря ласковым громом. К изумлению Бурегона, она обратилась к нему с ритуальными словами, со словами, которые он надеялся и не чаял услышать. Не обманывает ли его слух?

Она сказала:

– Ради благоденствия целого, что принес ты нам, Бурегон?

Он не успел ответить, потому что снова заблеял приемник. На этот раз в голосе слышалось некое подобие Речи – искаженный до невразумительности, с неслыханным акцентом, голос выговорил:

– Алло, ты нас понимаешь?

– Я слышу вас, – ответила Мать Могил. – Чего вы хотите?

После долгой паузы послышался ответ:

– Это мы чиним. Меняем науку. Уйти. Место дашь для починки?

У чужаков – объект оказался действительно скифом, и членов команды на нем было по числу глаз Бурегона – имела машина, переводившая их блеяние в Речь, если ей давали несколько простых образцов. Набираясь опыта, устройство работало все точнее, и Бурегон все больше времени проводил в разговорах с А-лиис, которая в их команде отвечала за переговоры. Имена пришельцев ничего не значили, в них не было слов, и Бурегон все удивлялся, как они разбирают, кто есть кто. И разделение труда у них было странное – роли определялись не строением и наследственностью, а личной историей жизни. Они много рассказывали о себе и своей удивительной биологии – он отвечал менее увлекательными подробностями о собственном мире. А-лиис, кажется, особенно заинтересовал тот факт, что он скоро станет Супругом. Она жадно слушала все, что он мог рассказать об этом процессе.

Пришельцы скрывались в маленьких гибких убежищах-панцирях – и неспроста, поскольку состояли в основном из воды, изливали воду из своих тел, а давление и температура мира погубили бы их так же верно, как глубины небес сокрушили бы Бурегона. Их атмосфера состояла из инертных газов и взрывчатого кислорода, и, как только их скиф посадили на свободный участок для починки, утечка кислорода и водяного пара из их шлюзов отравила растительность на спине матери на длину тела во все стороны. Бурегон, ведя разговоры с чужим скифом, держался на расстоянии.

Разговоры с пришельцами были и радостью, и обузой. Мать Могил желала, чтобы посредником стал именно он. У него уже был опыт общения – и опыт, который пришельцы высоко оценили, – а после Брака его опыт перельется в коллективный разум Матери Могил, станет частью ее и всего ее будущего потомства.

Она сказала ему – ритуальными словами – что это знание, это открытие – великое приданое, какого еще не бывало. Что возможность общения с существами иного мира для нее важнее органики, металлов и прочих веществ, которые она в своем огромном теле превращала в скифы, паруса и прочие технологии. Что она принимает его взнос и чтит отвагу, с которой он добывал это приношение.

Именно поэтому долг стал обузой. Потому что, общаясь с пришельцами, пока те занимались ремонтом, – разыгрывая дипломата (их слово), – он вынужден был откладывать момент радостного соединения. Откладывать снова и снова. Побывав так близко, и так отдалившись, и снова приблизившись...

Муки предвкушения и страх, что награда снова ускользнет от него, стали пыткой.

А-лиис вышла из чужого скифа в своем герметичном панцире и села у края отравленного водой круга, обхватив передними членами подогнутые колени. Удобно устроившись, она рассказала Бурегону, что она – женского пола, Мать. Но Матери ее вида не так сильно отличаются от супругов, которые даже после брака остаются в мире отдельными индивидуумами.

– Как же они передают свой опыт потомству? – спросил Бурегон.

Пауза длилась долго.

– Мы обучаем детей, – сказала А-лиис. – А ваши наследуют воспоминания?

– Не воспоминания, – поправил он. – Опыт.

Она снова помолчала.

– Так ты станешь частью матери. Как... симбионт. И ваши отпрыски получают весь ее опыт и твой тоже? Но... не воспоминания. Как это получается?

– Разве знание в памяти? – спросил он.

– Нет, – уверенно ответила она. – Воспоминания можно уничтожить, а навыки останутся. О... я думала... понимаю.

Они еще немного поговорили о структуре сетей и балдахинов, однако Бурегон видел: для А-лиис разговор о памяти не окончен. Наконец она издала шипящий звук сброса давления и снова вернулась к этой теме.

– Мне грустно, – сказала А-лиис, – что, когда мы, починив свой зонд, соберем новую миссию и вернемся, ты уже не сможешь с нами поговорить.

– Я буду здесь, – озадаченно возразил Бурегон. – В браке с Матерью Могил.

– Это не... – Транслятор запнулся на незаконченном слове, а потом она поправилась: – Не то же самое. Ты нас не вспомнишь.

– Мать Могил вспомнит, – заверил Бурегон.

Она словно сжалась в комок.

– До нашего возвращения пройдет много времени.

Бурегон подобрался к самому краю выжженной зоны. Впрочем, он не протянул манипуляторов через границу. Скоро те атрофируются за ненадобностью, но он не видел нужды обжигать их раньше времени.

– Все будет хорошо, А-лиис, – сказал он. – Мы запомним вас по этому шраму.

Звук, которым она ответила, транслятор перевести не сумел.

Джеймс С. А. Кори

Двигатель

Ускорение бросает Соломона на спинку капитанского кресла и тяжело наваливается на грудь. Правая рука падает на живот, левая – на обивку подголовника около уха. Лодыжки вдавливаются в подножку. Это как удар, как нападение. Мозг, продукт миллионов лет примитивной эволюции, к такому не готов. Он принимает это за атаку, потом за падение, потом за страшный сон. Яхта – не продукт эволюции. Ее сигнал тревоги – строго информационное устройство. Кстати, мы ускоряемся на четырех гравитационных. Пять. Шесть. Семь. Больше семи. На экране наружной камеры проносится Фобос, а дальше – только звездное поле, неизменное с виду, как неподвижный кадр.

Только через пять минут до Соломона доходит, что это было, и тогда он пытается улыбнуться. Натруженное сердце от восторга начинает биться еще быстрее.

Отделка яхты в кремовых и оранжевых тонах. Панель управления – простой сенсорной модели. Поверхность по углам поблекла от старости. Не нарядно, зато функционально. Основательно. Вспыхивает тревожная лампочка – нет сигнала от восстановителя воды. Соломона это не удивляет – восстановитель не входит в спецификацию – однако он перебирает в уме возможные причины отключения. Предположительно, перегрузка, направленная вдоль основной оси корпуса, повредила клапан резервуара – после испытания надо будет проверить. Соломон пробует пошевелить рукой и поражается ее тяжести. Рука у человека весит граммов триста. Даже при семи g – это чуть больше двух кило. Вполне можно поднять. Он толкает конечность к приборной панели, мышцы дрожат от напряжения. Прикидывает, сколько сверх семи g успел набрать. Все сенсоры заблокированы, придется проводить расчет после испытания. Зная, сколько длился разгон и какова конечная скорость, – простейшая арифметика, тут и ребенок бы справился. Он не тревожится. Снова переносит руку к панели – напрягая уже все силы – и в локте что-то влажно, болезненно сдвигается.

Черт! Он бы скрипнул зубами, но это не проще, чем улыбнуться. Нескладно получилось. Если не отключить двигатель, придется ждать, пока выгорит топливо, и звать потом на помощь. А с помощью будет туго. Неизвестно точно, на какое ускорение вышла яхта, но спасателям долго придется его догонять. Указатель топлива – простое цифровое табло в нижнем левом углу панели, зеленое на черном. Трудно сфокусировать на нем взгляд. Перегрузка деформирует глазные яблоки. Технологический астигматизм. Соломон щурится. Яхта предназначена для долгих рывков, а баки у него были заполнены на девяносто девять процентов. Сейчас табло показывает десять минут разгона. А на счетчике топлива – девяносто восемь и шесть десятых. Не может быть!

Через две минуты цифры сменяются на пять десятых. Еще две с половиной минуты – четыре десятых. При таком расходе топлива хватит на тридцать семь часов, и конечная скорость немного недотянет до пяти процентов световой.

Соломон начинает нервничать.

Он встретил ее десять лет назад. В научном центре Данбад Нова – одном из крупнейших на Марсе. Три поколения колонистов закапывались в каменистую землю нового дома для человечества: прогресс человеческой науки, знания и культуры дошел до того, что подземный город мог себе позволить пять баров – пусть даже один из них был безалкогольным заведением, в котором толклись джайнисты и возрожденные христиане. Остальные четыре продавали алкоголь и еду – точь-в-точь такие же, как в пункте питания, разве что ужин украшала музыкальная лента и встроенный монитор, круглосуточно транслировавший развле-

кательные программы с Земли. Соломон встречался здесь со своими кадрами два-три раза в неделю, если работы в центре было не слишком много.

Обычно народу в компании набиралось до дюжины. В тот день за столом собрались Тори и Радж из проекта по выведению воды на поверхность, Вольтер, которую по-настоящему звали Эдит, Джулио с Карлом и Малик – они работали в группе антираковой терапии. И Соломон. Марс, как говорится, самый тесный городишко в Солнечной системе. На нем редко встретишь новое лицо.

А эта была из новичков. Она села рядом с Маликом. Темные волосы, невозмутимое лицо. Черты островаты для классической красавицы, и на предплечьях темные волоски. При таких генах женщины после тридцати пяти вечно борются с темными усиками над верхней губой. Соломон не верил в любовь с первого взгляда, но, едва она под села к столу, сразу вспомнил, что с утра толком не причесался и у рубашки рукава длинноваты.

– Марс и есть Америка, – широко взмахнул пивной кружкой Тори. – Точь-в-точь.

– Вовсе не Америка, – возразил Малик.

– Не та, что теперь. Какой она была вначале. Вспомни, сколько занимал путь из Европы до Северной Америки в шестнадцатом веке. Два месяца. Сколько сюда от Земли? Четыре. Даже дольше, смотря по расположению на орбите.

– Вот и первое отличие от Америки, – сухо вставил Малик.

– Ну порядок величины тот же, – упорствовал Тори. – Я к тому, что для политиков расстояние измеряется временем. Мы в месяцах пути от Земли. Они там до сих пор считают нас чем-то вроде затерянной колонии. Как будто мы перед ними в ответе. Вот сколько среди нас, сидящих за этим столом, получают указания от людей, которые в жизни не вылезали из гравитационного колодца, но воображают, что понимают, в каком направлении нам двигаться?

Тори первым поднял руку, за ним Радж, Вольтер. Карл. Нехотя – Малик. Тори самодовольно усмехнулся.

– Кто занимается настоящей наукой? – продолжал он. – Мы. Наши корабли новее и лучше. Наши разработки экосистем на доброе десятилетие обогнали все, что есть на Земле. В прошлом году мы вышли на самообеспечение.

– Не верю, – перебила Вольтер.

Новенькая пока молчала, но Соломон видел, как внимательно она слушает каждого. Он смотрел, как она слушает.

– Даже если мы еще нуждаемся в материалах с Земли, то можем за них заплатить. Черт, дайте нам несколько лет, и наши шахтеры вытеснят их из Пояса, – говорил Тори, отступая от последнего утверждения только ради того, чтобы выдвинуть новое, столь же невероятное. – Я же не говорю, что надо полностью разорвать дипломатические отношения.

– Нет, – кивнул Малик, – но клонишь к тому, что нам следует объявить о своей политической независимости.

– Забегая вперед – так и есть, – признал Тори. – Потому что расстояние измеряется временем.

– А связность мысли – пивом, – вставила Вольтер, в точности копируя интонацию Тори. Новенькая улыбнулась.

– Ладно, предположим, нам нечего терять, кроме своих цепей, – сказал Малик, – но стоит ли возиться? Де-факто, у нас и так собственное правительство. Если подчеркнуть этот факт, мы только намотим воду.

– А ты думаешь, Земля ничего не замечает? – спросил Тори. – Думаешь, ребятки в лабораториях на Луне и в Сан-Пауло не говорят, поглядывая в небо: «Вон та красная точка пинает нас в задницу»? Они ревнивы и завистливы – и не зря. Я только об этом и говорю. Если мы сделаем что-то по-своему, у нас будут месяцы форы до их первой реакции. Англия

потеряла американские колонии, потому что управлять с шестидесятидневной задержкой невозможно. Тем более – со ста двадцатидневной.

– Ну, – сухо напомнила Вольтер, – были еще французы.

– И очень хорошо, что потеряла, – словно не услышав ее, продолжал Тори, – ведь кто вставил свое слово, когда наци застучали в ворота Англии? Разве я не прав?

– Гм, – подал голос Соломон. – Вообще-то, нет. Ты зашел совсем не с той стороны. На самом деле мы – Германия.

Как только он заговорил, взгляд новенькой обратился к нему. Почувствовав, как перехватило горло, Соломон поспешно отхлебнул пива. Теперь голос будет срываться, словно ему снова четырнадцать. Вольтер поставила локти на стол, обхватила щеки смуглыми ладонями и подняла брови, всем видом требуя: «Докажи!»

– Ладно, – Малик сразу забыл о разногласиях с Тори. – Беру наживку. Чем это мы похожи на палачей-фашистов?

– Тем, как будем драться, – ответил Соломон. – У Германии была самая передовая наука – как и у нас. Была лучшая техника. Были ракеты. Ни у кого не было ракет, а у них были. Один нацистский танк мог подавить пять танков союзников. Просто они были лучше. Лучше по конструкции, лучше по исполнению. Немцы ценили науку и ученых, поэтому были тонкими и умными.

– Если не считать расизма и геноцида, – вставил Джулио.

– Да, если не считать, – согласился Соломон. – Только они проиграли. У них было техническое превосходство, совсем как у нас. Но они проиграли.

– Потому что были безумными психопатами, – сказал Джулио.

– Нет, – покачал головой Соломон. – То есть были, конечно, но история знает фашистов и психопатов, которые не проигрывали войн. Немцы проиграли потому, что, хотя танки у них были лучше, Америка, к примеру, выпускала десять танков на каждый, выпущенный Германией. У союзников была громадная индустриальная база, а что конструкцией они уступали – кому какое дело? У Земли тоже есть развитая промышленность. И люди. Пусть, чтобы добраться сюда, у них уйдут месяцы или даже годы, но, когда они доберутся, мы не совладаем с такими полчищами. Передовая техника – это замечательно, но пока мы строим свои лучшие образцы из сырья, которое нам привезли. Чтобы перебить демографическое преимущество Земли, нам нужна новая парадигма.

– Объявляю «новую парадигму» девизом этого вечера, – подняла руку Вольтер.

– Поддерживаю, – согласился Джулио.

Соломон почувствовал, как жар ползет от шеи к щекам.

– Все согласны? – провозгласила Вольтер.

Ей ответил дружный хор.

– Решено, – подытожила она. – Кто-нибудь, поставьте этому человеку еще пива.

Разговор, как обычно бывает, перешел на другое. От политики и истории – к искусству и инжинирингу тонких структур. Главный спор в этот вечер завязался на тему о превосходстве пучков нанотрубок над узелками – при конструировании искусственной мускулатуры. Под конец обе стороны перешли на оскорбления. Впрочем, пререкания велись в добродушных тонах – искренних или притворных, не столь важно. Встроенный монитор переключился на музыкальную передачу из маленького селения с плато Сирия – вой и медный гром алжирского раи вплетались в классические европейские напевы. Именно такую музыку предпочитал Соломон – потому что она была насыщенной и интеллектуальной, и никто не звал под нее танцевать. Половину вечера он просидел рядом с Карлом, толковавшим о повышении КПД за счет подачи топлива. На новенькую он старался не смотреть. Когда та пересела от Малика к Вольтер, сердце у него подскочило: может, она пришла не с Маликом? И тут же упало: а вдруг она лесбиянка? Казалось, лет десять свалилось у него с плеч – такого

гормонального взрыва он не переживал с младших курсов университета. Соломон твердо решил забыть о существовании новенькой. Если женщина перевелась в центр на работу, еще будет время выяснить, кто она такая, и найти предлог для разговора так, чтобы не выглядеть отчаявшимся и одиноким. А если она просто с визитом, то нечего о ней и думать. И все-таки он часто поглядывал на нее, просто чтобы не терять из вида.

Радж ушел первым – как всегда. Он состоял в совете по развитию, а это означало, вдобавок к обычной работе инженера, еще и бесконечные совещания. Если проект терраформирования однажды заработает, в нем будет немало интеллектуальной ДНК Раджа. За ним ушли Джулио рука об руку с Карлом – оба подвыпили и разнежились. Карл все старался примостить голову на плечо Джулио. Остались только Малик, Вольтер и Тори. Теперь не замечать новенькую стало труднее. Соломон собрался уже уходить, но задержался в гальюне и побрел обратно, сам не зная зачем. Как только уйдет новенькая, сказал он себе. Как только уйдет она, уйдет и он. Посмотрю, с кем уйдет, и буду знать, кого о ней расспрашивать. Или, если она уйдет с Вольтер, не расспрашивать. Обычный сбор данных, только и всего. Когда монитор переключился на первую утреннюю программу новостей, пришлось признать, что все это – чушь. Он помахал на прощание – на этот раз уже всерьез, – запихнул руки в карманы и направился в главный коридор.

Из-за инженерных сложностей в строительстве куполов и полного отсутствия у Марса магнитосферы, все жилые помещения располагались глубоко под землей. Большие коридоры были высотой в четыре метра, светодиодки изменяли температуру и освещенность согласно времени суток, и все же Соломона временами мучила атавистическая тоска по небу. По ощущению открытого пространства и, пожалуй, по возможности хоть раз в жизни выбраться из склепа.

Ее голос догнал его сзади:

– Эй, привет?

Она шла свободной покачивающейся походкой. Улыбалась тепло, разве что малость настороженно. Выйдя из полутемного бара, он разглядел светлые полосы в ее волосах.

– А, привет.

– Мы там так и не познакомились. – Она протянула руку: – Кэйтлин Эскибель.

Соломон взял ее ладонь, коротко встряхнул, как было принято у них в центре.

– Соломон Эпштейн.

– Соломон Эпштейн? – повторила она, шагнув вперед. Само собой получилось, что они пошли рядом. Вместе. – И что же милый еврейский мальчик делает на такой планете?

Не будь он выпивши, просто отшутился бы, а так...

– В основном набираюсь храбрости с тобой познакомиться.

– Я вроде как заметила.

– Надеюсь, я был очарователен.

– Лучше, чем твой дружок Малик. Он не упускал случая потрогать меня за руку. Ну да ладно. Я работаю в управлении ресурсов, на группу взаимных интересов Квиковски. Всего месяц как с Луны. Вот то, что ты говорил про Марс с Землей и Америку... Это было интересно.

– Спасибо, – сказал Соломон. – Я продвигаю движки в Масстехе.

– Продвигаю движки... – повторила она. – Звучит как тавтология.

– А мне всегда казалось пошловатым «спец по тяге», – ответил он. – Ты надолго на Марс?

– До самого отлета. Открытый контракт. А ты?

– А я здесь родился, – сказал он, – и, наверно, здесь и умру.

Она с усмешкой окинула взглядом его длинную тощую фигуру. Конечно, сразу видно, что он здесь родился. Этого не скроешь. Слова показались ему дешевым хвастовством.

– Человек компании, – выдала она, как шутку, предназначенную для двоих.

– Марсианин.

Стойка по аренде картов предлагала на выбор несколько побитых электромобилей. Соломон достал свою карточку, помахал перед восьмеркой. Считывающее устройство разобрало сигнал, и огонек перед первым картом в ряду переключился с янтарного на зеленый. Соломон вывел его и только тогда сообразил, что колеса ему не нужны.

– Ты... – начал он, прокашлялся и начал заново: – Ты бы не зашла ко мне домой?

Он так и видел, как в ее мозгу формируется ответ: «Конечно. Почему бы и нет?»

Он проследил движение ее слов к губам. Ответ был уже так близко, что притягивал кровь в его жилах, как Луна – приливы. Но в последний момент мысль свернула в сторону. Кэйтлин мотнула головой – не столько отказываясь, сколько удивляясь себе. Но улыбнулась. Правда улыбнулась.

– Уж очень ты торопишься, Сол.

Дело не в скорости. Если ни на что не налететь, скорость – это просто скорость: можно двигаться со скоростью света и пребывать в невесомости. Его плющит ускорение. Изменение. С каждой новой секундой он движется на шестьдесят восемь метров в секунду быстрее. А то и больше. Похоже, больше.

Вообще-то, и ускорение не проблема. Корабли на первых химических ракетах могли разгоняться на пятнадцати, а то и двадцати g. Мощности всегда хватает. Проблема в эффективности двигателя. В отношении тяги к массе, когда большая часть твоей массы – топливо, уходящее на развитие тяги. Долю секунды тело может выдержать ускорение больше ста g – и остаться в живых. Его убивает продолжительность ускорения. Оно длится уже не первый час.

Пошли аварийные отключения. Если начнет перегреваться реактор или магнитная ловушка, двигатель вырубится. Предусмотрены отключения при разных типах аварий, но пока все работает. Все в полном порядке. Это и плохо, это его и убивает.

На панели есть и ручное отключение. На иконке изображена большая красная кнопка. Только коснуться ее – и все в порядке. Но до нее не достать. Радость ушла без следа. Вместо восторга – паника и нарастающая, сокрушительная боль. Если бы дотянуться до панели! Или пусть что-нибудь, хоть что-нибудь откажет.

Ни одного отказа. Он борется за каждый вдох, дышит так, как показывал инструктор спасательной службы. Если потеряет сознание – уже не вернется, а по краям зрения уже наползают темные пятна. Если не найти выхода, он здесь и умрет. В этом кресле, с прикованными руками и сползающим с головы скальпом. В кармане ручной терминал – давит так, словно в бедро норовят воткнуть тупой нож. Он пытается вспомнить массу ручного терминала. Не получается. Он тянет в себя воздух.

Ручной терминал! Если дотянуться до него, если достать, можно будет послать сигнал Кэйтлин. Может, она выйдет на дистанционное управление и отключит двигатель. Рука, лежащая на животе, тяжело продавливает брюшину. Зато от нее до кармана всего несколько сантиметров. Он толкает так, что трещат кости и сдвигается сустав в запястье. Трение кожи о предохранительный ремень сдирает ее, и кровь, словно испугавшись чего-то, спешит к сиденью, но рука движется. Еще толчок, немного ближе. Кровь работает смазкой. Трение становится меньше. Рука движется дальше. Минута за минутой. Ноготь касается твердого пластика. Он справится!

Мощность и эффективность, думает он, и, вопреки всему, на миг поддается гордости. Он это сделал. Чудесная парочка.

Сухожилия пальцев ноют, но он отталкивает ткань кармана. Чувствует, как ручной терминал выползает наружу, но не видит, потому что головы не поднять.

Через три года после первого знакомства Кэйтлин пришла к дверям его норы в три часа ночи: плачущая, испуганная и трезвая. Такого Соломон от нее не ожидал – а ведь он проводил немало времени в ее обществе. Любовниками они стали месяцев через семь от первой встречи. Любовники – это его слова. Кэйтлин таких выражений не любила. У нее все получалось грубовато и попросту. Такой она и была. Никогда не позволяла себе быть искренней до конца. Соломон видел в этом эмоциональную защиту. Способ сдерживать страх и забыть о тревожности. Он не возражал, лишь бы она иногда проводила ночи в его постели. Впрочем, если бы перестала, он бы огорчился, но тоже пережил. Ему нравилась усмешка, с которой она смотрела на мир. Как уверенно держалась – тем более что уверенность была поддельной. Словом, ему нравилось, что она такая, какая есть. Так было проще.

Ее контракт дважды автоматически продлевался – Кэйтлин не стала его прерывать. Когда Соломону предложили место в группе функционального магнетизма, он, среди прочего, испугался, не потеряет ли ее из-за своей постоянной нехватки времени. Они оба не заводили романтических связей с другими сотрудниками центра. Все словно бы признали, что они принадлежат друг другу. Соломон сказал бы, что они оба – моногамны де-факто, хотя никто ничего не обещал. Он бы наверняка считал обидой и предательством, вздумай она переспать с другим, и предполагал, что она относится к нему так же.

Но секс и дружба, доставляя немало удовольствия, не предполагали серьезной уязвимости. Поэтому Соломон удивился.

– Слышал? – спросила она. Голос был хриплым и срывался. Слезы текли по щекам, уголки губ загибались вниз.

– Наверное, нет, – ответил Соломон, пропуская ее к себе. Нора у него была стандартной планировки: первая общая комнатка позволяла готовить в ней простую еду и усадить троих гостей перед занимавшим четверть стены монитором. Дальше размещалась спальня, а за ней стеной шкафа и ванная.

На Марсе, как гласила расхожая шутка, нора человека была его замком, и ценность этого замка измерялась в пространстве для сна. Кэйтлин рухнула на кушетку и обхватила себя руками за плечи. Соломон закрыл дверь. Он не знал, заговорить с ней, обнять или то и другое сразу. Чувствовал запах слез: они пахли солью, влагой и ее кожей. Она плакала у него на плече, пока любопытство и тревога не заставили его отказаться от роли плюшевой обезьянки.

– Ну, так что же я должен был услышать?

Она хрипло засмеялась – как закашлялась:

– ООН. Они проголосовали за разрыв договора об автономии. Их корабли берут разгон. Сорок кораблей, и все уже вышли на баллистическую кривую.

– Ох, – сказал он, а она снова расплакалась.

– Это треклятые сецессионисты. С тех пор как опубликовали свой манифест, все пошло всерьез. Какие же идиоты, шайка близоруких кретинов, мечтали привлечь к себе внимание. А теперь они начали войну. Они не шутят, Сол. Они будут швырять в нас камни, пока мы не превратимся в углеродный слой толщиной в десяток атомов.

– На это они не пойдут. Не пойдут, – сказал он и тут же пожалел, что повторился, словно уговаривал сам себя. – ООН не первый раз нарушает договор, и всегда это означало просто, что они претендуют на новые ресурсы. Если они разбомбят наши инфраструктуры, ресурсов им не видать. Они нас просто запугивают.

Кэйтлин подняла руку – как школьница, желающая отвечать.

– Сработало. Меня запугали.

– И речь не о сецессии, что бы они ни говорили, – продолжал Соломон. Он разгорячился и больше не повторялся. – Речь о том, что Земле не хватает лития и молибдена. Даже

разработка отходов дает недостаточно. Вот и все. Это вопрос денег, Кэйт. Не будут они сбрасывать камни. Кроме того, если начнут, мы ответим тем же. Наши корабли лучше.

– Восемнадцать кораблей, – напомнила Кэйтлин. – А они к нам послали сорок и еще столько же оставили в обороне.

– Но если они пропустят хоть один... – Он не стал заканчивать мысль.

Кэйт сглотнула и утерла щеки ладонью. Он дотянулся до противоположной стены и оторвал ей кусок полотенца.

– Ты правда что-то знаешь, – спросила она, – или просто храбришься, чтобы меня успокоить?

– Ты ждешь ответа?

Она вздохнула и припала к его плечу.

– Это вопрос нескольких недель, – сказал он, – а то и месяцев.

– Так-так. Если бы жить тебе оставалось четыре месяца, как бы ты их провел?

– В постели с тобой – и не вылезал бы оттуда.

Она распрямилась и поцеловала его. В поцелуе была тревожная ярость. Нет, не ярость. Искренность.

– Пойдем, – сказал он.

Разбуженный тревожным гудком терминала, он смутно осознал, что слышит этот звук уже не первую минуту. Кэйтлин свернулась рядом: глаза закрыты, рот мирно приоткрыт. Так она выглядела совсем молодой. Безмятежной. Отключая сигнал, он посмотрел время. С одной стороны, он бессовестно опоздал на смену. С другой – при таком опоздании лишний час уже не играет роли. На экране светились два сообщения от руководителя группы. Кэйтлин забормотала и потянулась. От этого движения с нее сползла простыня. Он отложил терминал, сунул руку под подушку и снова уснул.

Когда проснулся в следующий раз, она сидела, разглядывая его. Мягкость снова ушла с ее лица, но красота осталась. Он улыбнулся и переплел ее пальцы своими:

– Пойдешь за меня замуж?

– Ох, ты что это?

– Нет, правда, выходи за меня?

– Зачем? Из-за войны, которая убьет нас и всех наших знакомых, поэтому, что ни делай, никакой разницы? Торопимся завести что-нибудь постоянное, пока всякое постоянство не выдернули у нас из-под ног?

– Вот-вот. Выйдешь за меня?

– Конечно, выйду, Сол.

Свадьба была скромной. Подружка невесты – Вольтер, шафер Соломона – Радж. Священник – методист, выросший в Пенджабе, но говоривший с псевдотехасской растяжкой долин Маринера. В научном центре было несколько церквей, и эта – по-настоящему красивая. Все, даже алтарь, вырезано из местного камня и покрыто прозрачным лаком, от которого все казалось влажным, сочным и ярким. По красному камню тянулись белые и черные линии, блестели вкрапления кристаллов. В воздухе густо пахло сиренью – Вольтер принесла из оранжереи целую охапку.

Пока он стояли рядом, обмениваясь традиционными обетами, Соломон отметил, что лицо у Кэйтлин спокойное, как во сне. А может, это ему показалось. Надевая кольцо ей на палец, он почувствовал, как что-то екнуло в груди. Он был безудержно, бессмысленно счастлив – как никогда прежде. Флоту ООН оставалось целых три недели пути. При самом худшем раскладе они проживут почти месяц. Жаль, что не собрались раньше. Например, в первую же ночь знакомства. И жаль, что встретились так поздно. На снимке, который они послали ее родителям, Соломон выглядел так, будто вот-вот запоем. Он терпеть не мог фотографий, но Кэйтлин их любила, поэтому он тоже полюбил.

Медовый месяц они провели здесь же, в отеле Данбад Нова, вытирались полотенцами и мылись с мылом – наслаждаясь земной роскошью. Он купался вдвое чаще обычного, тепло воды и мягкость халата казались почти чудом. Как будто, окунаясь в декадентскую роскошь, он надеялся сойти за землянина.

Совпадение или нет, но это сработало. Неизвестно, какие переговоры шли за сценой, но корабли ООН раньше времени вышли на торможение, повернули и направились к дому. Он отслеживал их движение по новостям и пытался вообразить, каково десанникам на тех кораблях. Почти добратся до нового мира и повернуть, даже не увидев его. Больше полу-года жизни у них ушло на политический спектакль. Кэйтлин сидела на краешке кровати, склонившись к нему, не отрывая взгляда. Упивалась новостями.

Соломон, устроившийся позади, спиной к изголовью, ощутил холодный, враждебный призрачный тревоги.

– Кажется, наше постоянство затянется, – заметил он, постаравшись, чтобы это прозвучало как шутка.

– Мгм, – согласилась она.

– Это кое-что меняет.

– Мгм.

Он поскреб тыльную сторону ладони, хотя она вовсе не чесалась. Сухое шуршание ногтей по коже утонуло в голосе комментатора, так что он скорее ощутил, чем услышал его. Кэйтлин запустила пальцы в волосы, спрятала ладонь в черной копне и вытащила снова.

– Так что, – спросил он, – хочешь развестись?

– Нет.

– Я ведь понимаю: ты думала вложить весь остаток жизни в один рывок. И если... если теперь ты бы выбрала иначе... я пойму.

Кэйтлин обернулась через плечо. Монитор осветил ей щеку, глаз, волосы – словно вся она была отлита из цветного стекла.

– Ты замечательный, ты мой муж, и я тебя люблю и доверяю тебе, как никогда и никому в жизни. И я нашу с тобой жизнь ни на что не променяю, ну разве что на такую же, только подольше. А что, ты хочешь сбежать?

– Нет, это я из вежливости. Нет, не то. Я вдруг почувствовал себя незащищенным.

– Ты это брось. Кстати, ничего и не изменилось. Земле по-прежнему не хватает лития и молибдена и прочих промышленных руд. У нас они по-прежнему есть. На этот раз они отвернули, но никуда не делись и будут возвращаться снова и снова.

– Если не найдут способа применять для своих нужд другие металлы. Или не найдут другого источника. Все меняется. Может случиться что-то такое, из-за чего наши проблемы станут несущественными.

– Может, – согласилась она. – Это и есть мир, так? Когда конфликт оттягивают до тех пор, пока не исчезнет причина для драки.

На экране разгонялись корабли ООН, за ними тянулись огненные дуги. Корабли возвращались восвояси.

Ручной терминал еще немного высвобождается из-под ткани кармана. Соломон совершенно уверен, что на бедре останется синяк шириной в футляр. Все равно. Он вспоминает, оставил ли включенной голосовую активацию, а если да, не слишком ли деформирована гортань, опознает ли программа искаженный перегрузкой голос. Если нет, придется включать вручную. Расслабляться нельзя – сразу накатывает обморок, но помнить об этом все труднее. Умом он понимает, что кровь отливает к спине, накапливается в затылочных частях мозга, заливает почки. Он достаточно интересовался медициной, понимает, к чему это ведет, да что толку? Терминал почти свободен, лежит в ладони.

Корабль вздрагивает, на экран выскакивает предупредительная надпись. Буквы янтарного цвета должны бы складываться в текст, только ему не разобрать. Взгляд не фокусируется. Будь предупреждение красным, неполадка запустила бы отключение двигателя. Он выжидает несколько секунд в надежде, что неисправность усилится, но нет – яхта у него прочная. Хорошая конструкция, хорошее исполнение. Он снова переключает внимание на ручной терминал.

Кэйтлин сейчас должна быть в норе. Затекает ужин и слушает новости о кризисе на верфях. Если подать запрос на связь, она ответит. Он вдруг пугается мысли, что Кэйт подумает, будто он просто сел на свой терминал. Несколько раз окликнет по имени, засмеется и сбросит соединение. Когда она ответит, обязательно надо выдавить хоть какой-то звук. Пусть даже заговорить не удастся, она поймет: что-то случилось. Он тысячу раз набирал вызов не глядя, но сейчас все иначе, и мышечная память отказывает. Какой этот терминал тяжелый! Ладонь болит, словно по ней молотком били. И живот болит. В голове расцветает агония, какой он и вообразить не мог. Ничто в его положении не радует, кроме мысли, что он победил. Сражаясь с терминалом, Соломон в то же время прикидывает, что это даст на практике. При такой эффективности двигателя корабль может весь рейс делать под тягой. Разогнаться до срединной точки маршрута, потом, отключив двигатель, перевернуться и пройти оставшиеся полпути на торможении. Даже привычная для марсиан треть g означает не только сокращение полетного времени, но и конец проблемам долговременной невесомости. Он пытается подсчитать, сколько займет полет к Земле. Не получается. Все внимание терминалу.

Топология кишок резко меняется, и терминал теперь лежит на наклонной плоскости. Он начинает съезжать, а у Соломона нет сил его поймать – да и не успеть. Терминал уже сполз к боку, упал на кресло – всего на несколько сантиметров. Он пытается приподнять левую руку, пришпиленную тяжестью рядом с ухом, но рука не движется. Совсем не движется. Даже не напрягается в ответ на мысленный приказ.

Ох, думает он, у меня инсульт.

Они были женаты шесть лет, когда Соломон, собрав деньги, накопившиеся от лекций и премий, купил себе яхту. Не большую – жилое помещение в ней было теснее его первой норы. Поддержанная, почти пять лет на ходу, и, чтобы продлить ей жизнь, понадобился месяц в доке на орбитальной верфи. Внутренняя отделка в кремовых и оранжевых тонах ему не нравилась.

Яхта восемь с половиной месяцев простояла в сухом доке после смерти прежнего владельца – президента какой-то лунной ассоциации. Его семья осталась на Луне и не собиралась перебираться на Марс, а, чем доставлять корабль обратно, проще было по дешевке продать на месте. Для большей части населения Марса подобное суденышко казалось статусной игрушкой и не более того. Здесь не было ни населенных лун, ни станций на линии Лагранжа – летать некуда. Полет к Земле оказался бы малокомфортабельным и небезопасным. Яхта могла крутиться на орбите. Могла выйти в окрестный вакуум и вернуться. Бесмысленность таких путешествий тоже способствовала снижению цены. Будучи символом богатства, покупка намекала, что у владельца много лишнего денег. В качестве транспортного средства корабль походил на гоночный автомобиль, не способный выехать с трека.

Для Соломона он оказался идеальным испытательным судном.

Яхта была построена под знакомый ему двигатель, он сам участвовал в разработке конструкции. Просматривая спецификацию и отчеты ремонтников, он видел каждую деталь управления, каждый воздуховод и кожух. Он еще не ступил на борт, а яхта была ему знакома как собственная ладонь. Некоторые детали реактивной системы он разрабатывал лично – лет десять назад. А раз конструкция принадлежала ему, не пришлось убивать полгода на борьбу

с чинушами, добиваясь разрешения на некоторые изменения в двигателе. От одной этой мысли он начинал самодовольно хихикать. Никаких вам разрешительных комиссий. Никаких техосмотров и рапортов о состоянии. Просто яхта, реактор, пара вакуумных скафандров и набор промышленных манипуляторов, которыми он обзавелся еще в школьные годы. В былые времена ученый мог разрабатывать у себя в сарае механизм ПЦР², или держать в подсобном флигеле ульи, или мастерить модели, которые перевернули бы мир, сумей изобретатель заставить их работать. У Соломона была яхта, и эта покупка была самым своевольным, восхитительным и важным поступком с того дня, как он сделал предложение Кэйтлин.

И все же, хотя в голове расцветали зеленые ростки идей и проектов, испытаний и усовершенствований, он боялся сказать о покупке жене. И не зря, как оказалось.

– Ох, Сол, какой ты ребенок!

– Я не из жалованья купил, – оправдывался он. – Это все случайные деньги. Мои – я наших не тронул.

Кэйтлин сидела на диванчике в общей комнате и барабанила кончиками пальцев по губе, как всегда в задумчивости. Из системы лилась мягкая электронная музыка – эмбиент, перкуссия и струнные, заглушавшие шипение воздуха в вентиляции, но не заставлявшие повышать голос. Как почти все новые строения на Марсе, их новая нора была больше, удобнее и глубже зарыта в землю.

– Ты хочешь сказать, что можешь, не советуясь со мной, тратить деньги со своего счета, если берешь меньше, чем заработал на премиях и надбавках? Так?

– Нет, – возразил он, хотя это было близко к истине. – Я хочу сказать, что на эти деньги мы не рассчитывали. Все наши долги оплачены. Отправившись за продуктами, мы не обнаружим, что на счете пусто. Не придется оставаться на сверхурочные или брать дополнительную работу на стороне.

– Хорошо.

– А это важное дело. Моя идея магнитной обмотки для сопла действительно должна увеличить эффективность двигателя, если мне удастся...

– Хорошо, – сказала она.

Он прислонился к дверному косяку. Струны перешли на нежное арпеджио.

– Ты сердишься.

– Нет, милый, не сержусь, – мягко возразила она. – Когда сердятся – орут. А это – обида, и это потому, что ты не поделился со мной забавой. Право, смотрю на тебя, вижу радость и волнение, и мне хочется их разделить. Хочется скакать и махать руками и говорить, как это здорово. Но эти деньги... Наша страховочная сетка. Ты не подумал, что растратил нашу страховочную сетку, и, если мы оба о ней забудем, первый же непредвиденный случай нас прикончит. Я люблю нашу жизнь, значит, придется мне заботиться, не одобрять и отказывать себе в восторгах. Ты сделал меня взрослой. А мне не хочется быть взрослой. Хочется, чтобы взрослыми были мы оба, чтобы, когда ты вытворишь что-нибудь такое, оба могли ребячиться.

Она подняла на него взгляд, пожала плечами. Лицо ее было жестче, чем при первой их встрече. В волосах смешались черные и белые нити. Она улыбнулась, и он ощутил, как комок в груди растворяется.

– Я... наверно, меня занесло. Я увидел шанс, а мы могли это себе позволить...

– И ты рванулся к цели, не подумав, чем это отзовется. Ты же – Соломон Эпштейн, самый умный, правильный и методичный мужчина, какому случалось раз в жизни делать важный выбор по наитию. – Если бы не теплый смешок в ее голосе, это прозвучало бы приговором. А так – любовью.

² Полимеразная цепная реакция (мол. биология).

– Зато я симпатичный, – сказал он.

– О, ты очаровательный. Просто я хотела бы заранее знать обо всех твоих новых затеях. Скажи, ты в следующий раз подумаешь о будущем?

– Да.

Они провели вечер, толкуя о мощности и эффективности, о реактивной массе и скоростном множителе. А потом перешли к ответственному планированию пенсионных накоплений и позаботились, чтоб завещания не устарели. Он чувствовал, что прощен, и надеялся, что она простит его и тогда, когда узнает, во что обходится содержание яхты. Эту ссору можно было отложить на будущее.

Днем он, как обычно, работал со своей группой. Ночами просиживал перед монитором в норе, над собственной разработкой. Кэйтлин создала в Сети группу из Лондерс Нова. Они обсуждали, каким образом компании вроде «Квиковски» могут прервать витки угроз и разногласий, в которых запутались Земля с Марсом. Иногда он слышал ее разговоры с другими участниками – о пропаганде, о различиях в моральном кодексе и прочих правдоподобных на слух абстракциях. Кэйтлин каждый раз напоминала о литии и молибдене. А теперь и о вольфрамовых сплавах. Все прочее тоже было интересно, важно, информативно и глубоко. Но, пока не докопаешься до сути, проблему не решишь. Слушая ее разговоры, он всегда гордился женой. Гуманитария никогда не избавиться от либеральных идей, но она многого достигла.

Тем временем пора было испытывать его идеи и замыслы. Он, воспользовавшись новой системой общественного транспорта, отправился на дальнюю верфь. Вагоны на электромагнитах скользили по безвоздушным тоннелям, как медлительные снаряды гауссовой пушки. Тесно и неудобно, зато быстро. Он попал к своей яхте за час до заката солнца за крутой марсианский горизонт. Напоследок еще раз проверил слабые места изготовленной им модели, дважды прогнал диагностику и вывел корабль за пределы разреженной атмосферы. На орбите немного поплавал, наслаждаясь незнакомым ощущением невесомости, вскипятил себе в груше чай, пристегнулся к капитанскому креслу и пробежался кончиком пальца по старому сенсорному экрану.

Если он не ошибся, усовершенствование должно было дать больше шестнадцати процентов дополнительной мощности. Получив сводку, он увидел, что ошибся. Эффективность упала на четыре с половиной. Он посадил корабль и по тоннелям отправился домой, угрюмо ворча себе под нос.

Согласно новому распоряжению ООН, все марсианские корабли впредь должны были изготавливаться на верфях Буша – на орбите Земли. Местные власти этого даже не комментировали: просто продолжали запланированные стройки и торговались насчет новых. ООН распорядилась посадить все марсианские корабли для инспекционного осмотра. Семь месяцев на подготовку группы инспекторов и еще почти шесть – на перелет: так уж совпало расположение планет на орбитах. Если верфь закроют, он лишится испытательного судна. Зря он переживал – все верфи работали по-прежнему. Снова пошли слухи о войне. Соломон старался их не замечать. Уговаривал себя, что в этот раз все кончится так же, как в прошлый и позапрошлый.

Радж удивил всех, уйдя из компании. Он снял дешевую нору у самой поверхности и занялся продажей керамики ручной работы. Уверял, что счастлив как никогда. Вольтер развелась и пыталась собирать старую команду в барах. Их теперь осталось восемь человек, но редко кто поддавался на ее уговоры. Джулио с Карлом завели ребенка и оторвались от людей. Тори перешел в маленькую консультацию по химическим проблемам – контора якобы обслуживала все марсианские чартерные компании, а на самом деле существовала только за счет проекта терраформирования. Малик умер от неизлечимого рака позвоночника. Жизнь боро-

лась, побеждала и терпела поражения. Экспериментальный двигатель Соломона почти сравнялся в эффективности с обычной моделью. Потом чуточку обогнал ее.

Почти день в день с годовщиной покупки Соломон испытал яхту заново. Если он не ошибся, эффективность должна была повыситься на четыре с половиной процента от стандартной. Он работал в машинном зале, когда запищал ручной терминал. Вызывала Кэйтлин. Он ответил:

– Что случилось?

– Мы договорились о недельном отпуске на следующий месяц? – спросила она. – Я помню, мы обсуждали, но забыла, что решили.

– Ничего не решили, да мне бы и не хотелось. Группа немного отстает от расписания.

– Непозволительно отстает?

– Нет, просто «легкое отставание».

– Ладно, тогда мы, пожалуй, съездим куда-нибудь с Мэгги Чу.

– Благословляю. Я, как закончу здесь, сразу домой.

– Хорошо, – сказала она и дала отбой.

Он проверил установку, подпаял обмотку в том месте, где на нее приходилась наибольшая нагрузка, и вернулся на капитанский мостик. Яхта прорвала редкую атмосферу и вышла на орбиту. Соломон повторил диагностику, проверил, все ли готово к старту. Почти полчаса плавал над креслом, удерживаемый только ремнями.

Запуская стартовую программу, он вспомнил, что его группа собиралась на уик-энд в Лондрес Нова, и он подумывал провести эти дни с Кэйтлин. Задумался, успела ли она уже сговориться с Мэгги или еще не поздно все изменить. И нажал пуск.

Ускорение отбросило Соломона на спинку капитанского кресла и тяжестью навалилось на грудь. Правая рука упала на живот, левая – на обивку подголовника около уха. Лодыжки вдавились в подножку.

Корабль выводит долгую песнь, гортанную, страстную и печальную. Так пел его отец в храме. Он понимает, что здесь умрет. Слишком разогнался и ушел слишком далеко от помощи. На какое-то время – может быть, навсегда – его яхточка станет рекордсменом среди пилотируемых кораблей по удалению от гравитационного колодца Земли. Спецификацию модели найдут в его норе. Кэйтлин умница, она сумеет продать разработку. Денег ей хватит на всю жизнь, сможет устроиться по-королевски. Если не о себе, так о ней он хорошо позаботился.

Будь у него управление, мог бы долететь до пояса астероидов. Мог бы отправиться в систему Юпитера, стать первым человеком, ступившим на Европу и Ганимед. Однако не выйдет – этим человеком станет кто-то другой. Зато тех, кто доберется, донесет туда его двигатель.

А война! Если расстояние измеряется временем, Марс окажется близко, очень близко к Земле, а Земля все так же далека от Марса. Такая асимметрия изменит все. Интересно, что они сумеют выторговать? Как станут действовать? Теперь литий, молибден и вольфрам в пределах досягаемости добывающих компаний – в неограниченном количестве. В поясе астероидов, на лунах Сатурна и Юпитера. То, что мешало Марсу с Землей заключить прочный мир, больше не играет роли.

Боль в голове и позвоночнике усиливается. С трудом вспоминается, что надо напрягать бедра и плечи, помогать усталому сердцу качать кровь. Он снова на грани обморока и не знает, от инсульта или от перегрузки. Он точно помнит, что подъем кровяного давления при инсульте до добра не доводит.

Песнь корабля меняет тон, теперь он поет буквально голосом отца, выпевает слоги на иврите. Соломон если и знал, то давно забыл, что они значат. А, вот и эффект ауры. Любопытно.

Он хотел бы еще хоть раз увидеть Кэйтлин. Попрощаться, сказать, что любит ее. Он хотел бы увидеть, к чему приведет его двигатель. Сквозь оглушительную боль пробиваются покой и эйфория, заливают все вокруг. Так всегда было, думает он. С тех пор как Моисей увидел Землю обетованную, куда ему не суждено было вступить, люди хотят знать, что будет дальше. Он задумывается, не в этом ли истинная святость Земли обетованной – ты ее видишь, но не можешь в нее попасть. Там, где нас нет, трава всегда зеленее. Такое мог бы сказать Малик. Кэйтлин бы посмеялась.

Ближайшие несколько лет, а то и десятилетий будут завораживающе интересными, и это из-за него. Он закрывает глаза. Жалеет, что его там не будет.

Соломон расслабляется, и пространство обнимает его, как возлюбленная.

Сандра Макдональд и Стивен Кови Дорога на ССП

Не то чтобы он был параноиком, но в последние сорок восемь часов перед отъездом Раити Очоа ел и пил только то, что успел припасти под своей койкой. Он как одержимый проверял уровень кислорода в своей крохотной каюте. Обходил стороной бар для членов экипажа на четвертом уровне (кто-то мог подсыпать ему отраву в пиво), избегал тренажерного зала (кто-нибудь мог «поколдовать» над беговой дорожкой), а во время рабочей смены старался держаться особняком, прожигая взглядом каждого, кто приближался к нему хотя бы на десять-пятнадцать футов (потому что кто-то ведь может действовать и напрямую – ломом по голове). Он и Уилла Дентона предупредил, велел быть осторожнее.

– Психанутый самоанец, – пробормотал Уилл. – Да расслабься ты. «Орбитал» на саботаж не пойдет.

«*Лучшие психанутый, чем мертвый*», – сказала бы Джавинта, если бы она все еще с ним разговаривала.

Может, Уилл не воспринял опасность всерьез, или, может, его нарочно кто-то отвлек, или, возможно (ну возможно же!), это действительно был несчастный случай, но, когда серебристый контейнер опрокинулся, придавив Уилла к саням, и когда тот начал орать, дико, во всю глотку, под вой сработавшей сигнализации – когда все это произошло, первой мыслью Раити было: «*Вот сукины дети, все-таки нашли способ меня остановить*».

– Ра! – вопил Уилл. – Сними с меня эту штуку!

В наушниках Раити раздался голос диспетчера орбитального комплекса Хэла Карпентера: «Все под контролем! Заставь его заткнуться!»

Раити преодолел двадцать метров в два долгих прыжка. Площадка, как всегда, была прекрасно освещена, высоко над головой темнело и сверкало звездами небо Европы³. Солнце еще не показывалось из-за горизонта, но тонкая полоска Юпитера уже засветилась, и их запланированный отъезд был неизбежен. Он видел, что приятеля буквально пригвоздило, и сразу понял, что без машины-погрузчика его не освободить. Ближайший водитель, новичок, в панике забуксовал на льду.

– Не отрезайте мне руку! – подвывал Уилл. – Ра, я не смогу без руки!

– Никто тебе ничего не отрежет, – пообещал Раити. И, хотя это было абсолютно бесполезно, попытался отодвинуть многотонный контейнер. – Держись, ладно?

Новичка сменил более опытный водитель и после пары-тройки искусных маневров сдвинул контейнер с места. Уилл обмяк и лежал без движения. Раити освободил его, стараясь не смотреть на покаленную, расплюснутую руку, а потом обхватил товарища за талию. И они прыжками двинулись к ближайшему люку.

– Спасательная команда уже на подходе, – сообщил в наушники этот бесполезный кре-тин Карпентер.

– Я его уже вытащил, – огрызнулся Раити. – Открой воздушный шлюз номер шесть.

Когда они наконец очутились в шлюзовой камере, Уилл начал потихоньку приходить в себя. Его лицо под маской казалось безжизненным. Гермокостюм восстановился, затянув дыры и разрывы, но висящая плетью рука была так устрашающе вывернута, что Раити невольно отводил от нее взгляд.

– Прости, прости, – забормотал Уилл, очнувшись. – Я его не видел. Только бы руку не отняли.

³ Речь о шестом спутнике Юпитера.

Камера шлюза закончила цикл. Раити скинул шлем, а потом стащил шлем с Уилла.

– Все нормально, ты не виноват.

Кожа Уилла была липкой от пота и приобрела пугающий сероватый оттенок.

– Я весь план запорол.

– Зато я предусмотрел запас по времени, – сказал Раити. – Так что все в порядке.

Внутренний люк открылся, и из него высунулась голова молоденькой рыжей девушки-фельдшера:

– Как он?

– А вы как думаете? – огрызнулся Раити. – Носилки где?

Она удивленно заморгала:

– Мне сказали, небольшое происшествие.

– Небольшое? Черта с два. – Раити подпрыгнул, подтянулся, используя скобы для рук, и втащил за собой Уилла. Он никогда раньше не видел эту медичку. Застава «Астериус» была невелика, может человек триста, но она служила перевалочной станцией для личного состава, перемещающегося туда-сюда между базами на Северном полюсе и в Конемаре. – Он в шоке, рука раздроблена, вы что, информацию с вызовов не проверяете?

– Все у меня нормально с рукой, – выдавил Уилл заплетающимся языком и одарил медичку кривой улыбкой. – Как вас зовут?

Она была новенькой и совсем юной, но достаточно хорошо натасканной, чтобы проигнорировать его неуклюжий флирт и закрепить на шее Уилла диск.

– Телеметрическая аппаратура подключена, скоро будем, – торопливо произнесла она в гарнитуру для связи и только потом ответила: – Я Ану.

– Ану, – повторил Уилл. – Что поделяваете сегодня вечером, Ану?

Раити втащил его в лифт и скомандовал:

– Заткнись, Уилл.

Комната для ожидания в лазарете была наполовину забита народом, но дежурный врач немедленно проводила их в одноместную палату. Раити был не слишком высокого мнения о докторе Десаи – по его опыту она точно так же задирала нос, как и вся врачебная братия, – но, вводя Уиллу обезболивающее, она казалась сосредоточенной и компетентной.

– Мистер Очоа, вы можете подождать за дверью, – предложила она.

Здоровая ладонь Уилла взметнулась вверх и вцепилась в рукав Раити:

– Нет. Останься со мной.

– Присутствовать могут только члены семьи и самые близкие, – возразила Десаи.

– Да кто ж, мать твою, может себе позволить притащить сюда семью? – разозлился Раити.

– Следите за своим языком, пожалуйста, – сказала она. – Вы зарегистрированные партнеры?

Хватка Уилла стала только крепче:

– Не дай им оттяпать мне руку.

– Я женат. Моя жена сейчас на Гавайях, – сообщил Раити. В полумиллиарде миль отсюда, может быть, где-то на пляже.

Джавинта любила пляжи, но терпеть не могла купаться, да и кто захочет плескаться в крохотных лужицах с водорослями, мертвой рыбой и всяким мусором? Возможно, в эту самую минуту она сидит на песке, любит волнами и подумывает о том, чтобы прервать шестимесячную тишину, протянувшуюся между нею и Европой.

Сканер, который держала Десаи, залил разможенную руку Уилла зеленым светом, проник сквозь гермокостю и спроецировал картину повреждений на потолок. Десаи, отчаявшись выставить самоанца из палаты, быстро заговорила в диктофон. Раити понимал не все

слова: дистальный отдел лучевой кости, проксимальное что-то там, перфузия. Юная фельдшерица, стоявшая в сторонке, наблюдала за происходящим с явным интересом.

Доктор прилепила Уиллу на плечо пластырь:

– Это и впрямь мощная штука. Когда подействует, вы часов на двенадцать лишитесь какой бы то ни было чувствительности от плеча и ниже. Дальше у нас по плану операция.

– Операция? – переспросил Раити, ощущая, как слово комом застряло в горле. – А сколько она займет?

– Мне нельзя делать операцию, – запротестовал Уилл. – Мы через час выезжаем. Отправляемся на ССП⁴.

– Так это вы? Тот самый Психанутый Самоанец? – брякнула фельдшерица.

Раити залился краской.

– Да, это я.

– Анумати! – резко одернула девушку Десаи. Фельдшерица отвела взгляд. Десаи продолжила: – Операция продлится час или два, затем мы будем наблюдать за перфузией, чтобы убедиться, что вы не лишитесь руки. Потом еще как минимум три недели рука будет в лубке. И никаких гермокостюмов.

Уилл скорбно ударил головой по смотровому столу.

– Прости меня, Ра. Черт.

Раити не знал, что сказать. Он не мог до конца разобраться в своих ощущениях, но все это здорово напоминало свободное падение, когда внутри все скручивается узлом и конца и края твоему полету не видно.

– Все нормально, – пробормотал он, и голос его казался столь же далеким, как и Джавинта с ее пляжами. – Я и один справлюсь.

– Тогда вам стоит поторопиться, – сказала Десаи, не сводя сосредоточенного взгляда с пациента. – При несчастных случаях с такими последствиями требуется подавать отчет. Специалисты по технике безопасности наверняка захотят расспросить свидетелей происшествия. А это может затянуться на весь день.

Ощущение свободного падения резко испарилось.

– На вашем месте, – продолжала доктор, – мне бы пришлось в голову исчезнуть, воспользовавшись грузовым лифтом. Отсюда сразу направо, вторые двери.

Раити ее не поблагодарил. Он даже не попрощался с Уиллом и не пожелал ему удачи. Когда очутился в лифте, его захлестнула такая волна гнева, что он ударил кулаком в потолок. Черт, черт, черт!

Сотни часов тщательного планирования, тысячи часов тревоги, его крошечная каюта была до отказа забита расписаниями, картами и списками припасов, и при этом он ни разу не задумался, что будет, если на его напарника-водителя рухнет контейнер.

За миг до того, как двери лифта должны были сомкнуться, между ними просунулся башмачок Ану.

– Я могу вам помочь, – заявила она. – Возьмите меня с собой.

Раити, не раздумывая, ответил:

– Абсолютно исключено.

Она смотрела на него с мольбой.

– На ССП работает мой парень. Мы много месяцев не виделись, только переписывались. Я бросила колледж и перебралась сюда, только чтобы увидеться с ним, но у меня кончились деньги. Вам же нужен кто-то, кто помогал бы вам в пути, вот я и могу помочь.

Он выпихнул ее ногу из щели между дверьми.

– Я в твоих услугах не нуждаюсь.

⁴ Здесь: станция «Северный полюс».

Двери лифта сдвинулись, заслонив от него расстроенное лицо девушки.

Добравшись до внутренних доков, он увидел двух человек в красно-белой униформе астриусовских специалистов по безопасности, они разговаривали с этим сукиным сыном Хэлом Карпентером. Тот стоял прямо на пути к ответвлению туннеля, ведущего к снегоходу. Но на Раити по-прежнему был гермокостюм, да и шлем при себе. Он мог выйти через дополнительный шлюз, подобраться к снегоходу снизу и выскользнуть из поля зрения камер. А меж тем часы отсчитывали драгоценные секунды. Он повернул назад, надел шлем и спустился по лестнице. Но как только он откроет шлюз, Карпентер это заметит. Необходим какой-то отвлекающий маневр...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.